

На правах рукописи

ПЕРШИН Юрий Юрьевич

АРХАИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ

Специальность 09. 00. 13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
философских наук

Омск - 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»
на кафедре философии

Научный консультант: доктор философских наук, профессор *Денисов Сергей Федорович*

Официальные оппоненты:

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, PhD университета им. Монаша (Австралия), профессор, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», заведующий кафедрой философии;

Нестеров Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», профессор и заведующий кафедрой философии и истории;

Шенкао Мухамед Алиевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия», профессор кафедры философии.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 16 июня 2014 г. в 14 час. на заседании диссертационного совета Д 212.177.03 при ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета, <http://www.omgpu.ru/disser/>.

Автореферат разослан 29 марта 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Начало XXI века – это эпоха обострения системного кризиса современной цивилизации и, прежде всего, самого человека. Современные философские системы и концепции человека всего лишь создают инварианты человека нецелостного, отчужденного от мира, от Космоса. Они помогают человеку не встраиваться в мир, а более успешно противопоставлять себя как миру, так и самому себе. Такое противопоставление ощущается человеком как «вброшенность» в мир, его чужеродность, а само человеческое бытие определяется как неподлинное. Человек начинает понимать, что традиционные точки опоры, «сборки» человека, которые считаются незыблемыми, при близком рассмотрении оказываются закостеневшими догмами, а заданные ими сознание, мировоззрение, рациональность, опыт не работают, поэтому так дальше мыслить и, следовательно, жить нельзя.

Представляется, что в поисках себя самого целостного и гармоничного человек может либо далее продолжать попытки построения концепций, которые зачастую демонстрируют свою несостоятельность, неадекватность и ведут к разрушению человека, либо попытаться обратиться к своим истокам. Думается, что именно второй путь наиболее плодотворен, так как здесь человек сможет заново рассмотреть и понять себя изначального, найти тот момент, когда потерял себя, свою глубинную связь со Вселенной, исказил смысл своего существования. Но при этом ему следует не просто очередной раз выдвинуть лозунг «назад к ...», а обратиться к архаике как своему сущностному состоянию, моменту своего рождения, основанию целостного мировосприятия и мировоззрения, этапу, с которого можно попытаться задать и собрать себя заново. Такое обращение к архаике диктует, прежде всего, углубленное изучение архаического сознания человека.

В наше время тяга к приобщению к архаическим формам сознания весьма отчетливо проявилась не только в возрождении мифа, богоискательском буме, религиозном ренессансе, поисках утраченных языческих индоевропейских корней, но и в общем устремлении современной философии выявить архетипические основы бытия. Актуальным и злободневным стал поиск и экспликация аутентичного архаического сознания как образца, с которым соотносятся многие современные языческие религиозные группы, течения и движения. Отсутствие такого образца зачастую приводит эти движения к поиску эрзацев архаического сознания, что в свою очередь может вылиться в радикализацию их учений, содержанию в них элементов экстремизма и нетерпимости. Здесь актуализируется проблема аутентичности, изначальности, подлинной, неискаженной коннотации, объективности и достоверности всех значений и смыслов, которые скрепляют собой человека, собирают его и репрезентируют. Иначе, без должного глубокого изучения архаического сознания мы получим очередную умозрительную псевдоконцепцию, способствующую дальнейшему разрушению человека.

Очевидно, что процессы, проходящие в современности, – ремифологизация, варваризация и архаизация сознания человека – также способствуют актуализации темы архаического сознания, его изучения во всех проявлениях. Эти исследования помогут выявить условия, в которых архаическое сознание актуализируется в лучших своих формах, а когда – в своих

неприемлемых, асоциальных проявлениях. Это, в свою очередь, поможет актуализировать первые, способствующие достижению целостности сознания человека в условиях кризиса и надлома, и исключить актуализацию вторых, диссоциативных.

Сами исследования архаического сознания при широком изучении мифологического и религиозного сознания, как его составляющих, значительно затруднены недостаточной разработанностью подходов и методологии исследования. Экспликация осколков и отзвуков архаического сознания человека из мифопоэтического и религиозного наследия при всей широте развернутых исследований предлагает нам довольно скромные результаты, которые в итоге сводятся к ответу на вопросы «что есть миф/мифологическое сознание/мировоззрение», «что есть религия/религиозное сознание/мировоззрение» и каковы их взаимоотношения. Ответы на эти вопросы многочисленны и преимущественно неудовлетворительны, так как, во-первых, эти два типа сознания зачастую отделяются друг от друга, а, во-вторых, само породившее феномены мифа и религии архаическое сознание исследуется недостаточно активно и целостно. Таким образом, актуальность исследования также связана с необходимостью глубинного изучения архаического сознания как сознания человекообразующего и на этой основе переоценки искусственных ценностей, сгенерированных разорванным, дисгармоничным сознанием отчужденного от мира человека.

Состояние научной разработанности проблемы

Феномен архаического (первобытного) сознания, с одной стороны, исследовался достаточно широко, так как архаическое сознание как объект исследований у различных авторов рассматривалось в своих разнообразных аспектах, в виде мифологического, мифопоэтического, религиозного (дорелигиозного) сознания. Однако, с другой стороны, при всей широте исследований их нельзя назвать всеобъемлющими и полными, так как ученые практически не занимались глубинными исследованиями архаического сознания, его генезисом, сущностными признаками и принципами, описывая только его признаки. Такое описание можно встретить в работах Ф. Боаса, В. Г. Богораза, П. Видаль-Накэ, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, А. Р. Лурии, А. С. Майданова, К. Р. Мегрелидзе, М. Мосса, А. Б. Островского, В. Я. Проппа, О. Ранке, И. Г. Франк-Каменецкого, О. М. Фрейденберг, Э. Эванс-Притчарда и др. Различные стороны архаического сознания в его проявлениях также исследовали К. Ренфрю, С. Кук, С. Гутри, Е. Р. Арнхейм, М. Хайдеггер, А. Н. Северьянов, Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков и др. Тем не менее, общей целостной картины становления архаического сознания, как справедливо считает Н. С. Автономова, до сих пор нет. Выделяя как общую характеристику архаического сознания *синкретичность*, авторы не рассматривают ее антропологические и онтологические основания, отдавая предпочтение рассмотрению уровней, структуры и различных проявлений архаического сознания.

Архаическое сознание как мифологическое сознание рассматривалось в трудах таких исследователей, как Я. Э. Голосовкер, А. И. Зайцев, Э. Кассирер, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, В. М. Найдыш, В. М. Пивоев, Е. Я. Режабек, Д. М. Угринович, К. Хюбнер, М. Элиаде и др. Рациональность мифологического сознания, проявления архаического сознания в мистических и иррационалистических концепциях, помимо упомянутых авторов,

исследовали также Е. А. Фролова, И. Т. Касавин, Д. Блур, В. А. Лекторский, В. С. Швырев, А. А. Новиков, В. Г. Федотова, И. П. Фарман, А. Л. Никифоров, М. А. Розов, М. К. Мамардашвили и др. Однако, говоря о целостном мифопоэтическом и мифологическом восприятии мира, авторы зачастую следуют установкам, заданным А. Ф. Лосевым в фундаментальных трудах на тему мифа. Они отказывают примитивному человеку в адекватном восприятии мира, рациональности его сознания, которую они ограничивают рамками только мифа. При этом миф становится замкнутой автономной системой, областью «детского» сознания первобытного человека, в чем, на наш взгляд, можно усмотреть его порочное понимание человека как существа, выпавшего из мира. Более того, авторы практически не рассматривают антропологические основания мифа как системы идеограмматического описания реальности.

Описание архаического сознания первобытного человека в виде магического сознания, его различных форм представлено такими исследователями, как Л. Леви-Брюль, С. А. Токарев, Н. В. Клягин, Д. Д. Фрезер, Ю. В. Ермолина, С. А. Гаджибекова, М. А. Марков, С. З. Тарба, В. В. Иванова, М. Е. Резван, Р. Стайерс, А. Нок, Ж. Ромийи и др. Рациональность архаического сознания как совокупность магических и религиозных верований и связь их последних с наукой исследовали такие ученые, как Б. Малиновский, Дж. Галлоуэй, Э. Ш. Брайтман, К. Кох, Р. Штейн Франкл, Ф. Штейн, М. Мосс, М. Томпсон, М. Дики, Э. Хопкинс, Э. Брайтман, Я. Бреммер, Г. ван дер Леув, Дж. Нидам, Г. Е. Марков, Дж. Колкхаун, Д. Агасси, И. Джарви, Р. Хортон, К. Гирц, Ян Барбор, П. П. Гайденко и др. Следует отметить, что магичность архаического сознания описывается авторами как ошибочное понимание примитивным человеком причинно-следственных связей, а магия – как непродуцирующая деятельность, основанная на воображении, страхе перед силами природы, на желании с ними договориться. Даже при рассмотрении магической деятельности как органического продолжения производственной деятельности отвергается идея ее трудового происхождения с целью изменения реальности.

Проявления архаического сознания в виде духовного опыта дохристианских религий у славян описаны в творчестве А. К. Толстого, К. Данилова, Н. А. Римского-Корсакова, В. Васнецова, И. Билибина, А. Афанасьева, И. Срезневского, Е. Аничкова, Д. Зеленина, А. Н. Толстого и др. Архаическое сознание здесь нашло отражение не только в элементах и смыслах народных обрядов, ремесел, фольклора древних славян, дошедших до нас из глубины веков, растворившись в повседневной жизни народа, но и в их высокой духовности. Об этом же пишут в своих работах и современные исследователи: Б. А. Рыбаков, А. Е. Наговицын, Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков, М. Ф. Косарев, И. П. Русанова, Б. А. Тимощук и другие. Здесь следует отметить, что ранние авторы, признавая духовность дохристианской архаики, тем не менее, ставят ее ниже «развитой» христианской духовности, понимая архаические мотивы из сохранившихся обрядов и фольклора как некие рудименты. Этому подходу также свойственна идеализация архаики и ее «сказочность». Другие подходы ограничиваются выявлением аутентичности архаических проявлений, не вдаваясь в проблемы генезиса и самой сущности архаического сознания.

Одним из признаков архаического сознания, который разрабатывался в т. ч. и в мифо-

логии, стала коммуникация человека с миром в виде его представителей, высших сил. Это говорит не только о мифологичности, но и религиозности архаического сознания. Однако этот аспект архаического сознания был поставлен под сомнение в XVIII-XIX вв., когда получила распространение гипотеза дорелигиозного состояния человека, отрицающая наличие архаического религиозного сознания у примитивных племен, и следовательно, у первобытного человека. Эта гипотеза была сформулирована Дж. Леббоком, который основывался на свидетельствах Ф. Моата, А.-И. Мухаммеда Али, С. Бейкера, Н. Гордона, И. Пальме, А. Хоуита и др. Об отсутствии по всему миру у примитивных племен религии также писали И. фон Спикс, Г. У. Бейтс, А. Р. Уоллас, Ф. де Азара, Я. Бегерт Ж. Ф. Лаперуз, Дж. Грант, У. Дж. Буршель, Д. Ливингстон, Р.-А. Кейли, Ф. Леваллант, А. Р. Уоллас, Дж. Шорт и др. Свидетельства этих исследователей и путешественников привели к формированию распространенного мнения о том, что первобытные люди, сохраняя архаический уклад, были лишены такой неотъемлемой части архаического сознания, как религиозное сознание. Таким образом, архаическое сознание постулировалось нерелигиозным даже в самом общем смысле.

Однако в это же самое время получила распространение и иная теория, последователи которой говорили о присутствии у архаических племен архаического религиозного сознания. Эта теория основывается на свидетельствах и заключениях таких исследователей, как Ж.-Ф. Ренар, Д. Юм, Э. Манн, А. Р. Редклиф-Браун, Дж. Грей, Дж. Бойдик-Бастиаанс, А. Гоудзвард, К. Ширен, Р. Оберслендер, У. Босман, Э. Бойдиш, Б. Крукшанк, Дж. Уилсон, Э. Шауэнбург, Х. Вагнер, А. Кауфман, Дж. Мюллер, Д. Бринтон, Х. Банкрофт, Э. Лоннрот, Ф. Шифнер, А. Кастрен, Т. Вейтц, Ф. Мюллер, А. Ревийе и др. Эти исследования выявили проблему несоответствия критериев религиозного сознания, выработанных в современной исследователям религиозной системе, для определения архаической религиозности. Более того, разница в понимании религиозности ясно показала, что само архаическое сознание как сознание тотально религиозное также может иметь различную этимологию. Однако далее в этом направлении работы не велись.

Столкновение таких противоречивых подходов к архаической религиозности послужило актуализации вопроса о религиозном сознании как одной из основных разновидностей архаического сознания. С ранних этапов развития философской мысли религиозное сознание описывалось в произведениях Цицерона, Лактанция, Аврелия Августина и др. Те или иные черты архаического сознания (а иногда и полное их отсутствие) проявлялись в определениях, которые давали Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, Дж. Леуба, В. Ферм, Дж. Морли, У. К. Смит, Б. Уилсон, Дж. Боукер, Дж. Хатчинсон, К. Уэбб, Г. Дрессер, С. Нейдел, А. Эйстер, Р. Мачалек, В. Спилка, Т. Идинопулос, Дж. Лару, Ф. Пул, М. Блох, С. Гутри, У. Арнал, Э. Кэйрд, Э. Брайтман, М. Меслин, У. Кларк, Дж. Йингер, Л. де Грандмазон, С. Сазерленд, Ф. Боуи, Э. Тейлор, А. Мензье, О. Сабатье, М. Джастроу, Дж. Дж. Фрэзер, М. Элиаде, П. Тиллих, Э. Кейрд, В. Алстон, Ф. Ферре, Э. Дюркгейм, А. Мень, А. Б. Зубов, И. Н. Яблоков и другие. Определение религии в парадигме Цицерона разворачивали М. Мюллер, П. Джексон, Т. Инсолл, Ф. Боуи, Дж. Салиба, С. Райнах, Дж. Э. Харрисон, В. Ф. Отто, Э. Бенвенист, Э. Д. Сопер, У. Фаулер, Дж. Сантуччи, и другие. Тем не менее, религия опре-

делялась в терминах именно христианской парадигмы, не приспособленной для описания архаической религиозности. Определение религии как проявления архаического религиозного сознания в парадигме Цицерона не получило дальнейшей философской проработки, так как было истолковано Лактанцием в иной манере, предпочтительной для христианской апологетики.

Исследования перечисленных авторов поднимают проблему методологии, пригодной для описания религиозного сознания как проявления архаического сознания. Проникновение в суть архаического религиозного сознания возможно только в результате сочувственного исследования религиозных верований и практик, или рассмотрения их «изнутри», считает С. Кук. В этом отношении интересны работы У. Б. Кристенсена, А. Н. Красникова, Р. Отто, М. Шелера, Г. ван дер Леува, Й. Ваха, Ф. Алмонда, Д. А. Гаврилова, Н. Малкольма, П. Г. Уинча, У. Д. Хадсона, Д. З. Филиппса, С. Моро и др. О сочувствии, эмпатии при проведении феноменологического исследования архаического религиозного сознания пишут также У. Б. Кристенсен, К. Ю. Блеекер, Ф. Хайлер, Дж. Карман, Н. Смарт, А. П. Садохин, Д. В. Пивоваров, Я. Ходдер, М. Хайдеггер и др. Их методологическим разработкам созвучна философская «топологическая рефлексия» В. В. Савчука, которая в виде методологии экспликации архаического сознания также успешно разрабатывается И. А. Кребель и др. Однако, следует заметить, что разработка методологии экспликации архаического сознания также по сути противоречива. К примеру, методологию феноменологии религии Р. Отто достаточно трудно адаптировать к экспликации архаического религиозного сознания, и эта трудность опять актуализирует проблему типологизации архаического сознания, не получившую практически никакой разработки. Помимо прочего, у многих современных исследователей проблема доступа к архаическому сознанию, его рекультивации не основывается на эмпирическом материале, давая простор умозрительной теоретизации. К тому же сам «доступ» к архаическому сознанию в подавляющем большинстве случаев выступает как «возвращение» к нему, таким образом снимая вневременность и, следовательно, косвенно отрицая современность архаического сознания.

Стремление к типологизации религиозного сознания в виде попыток типологизации религий в различных интерпретациях прослеживается у многих исследователей, таких, как Г. Гегель, Шантепи де ля Соссе, Э. фон Гартман, К. Тиле, М. Мюллер, Г. Парет, Е. А. Торчинов, С. А. Токарев, И. Н. Яблоков, Ф. Боуи, Т. Инсолл, С. И. Самыгин, В. И. Нечипуренко, И. Н. Полонская, В. И. Гараджа, О. Ф. Лобазова, С. В. Ефимова, С. Ф. Денисов, С. Барнз, Р. Шоу и др. Однако типологизации религий проводятся, как правило, на основании сравнения внешних признаков религиозности, ее функциональности, без обращения к глубинным основаниям типологизации – фундаментальным отношениям человека и мира, истокам зарождения архаического/религиозного сознания.

Уже в наше время собран достаточно обширный эмпирический материал для изучения архаического сознания в русле археологии и этнологии. В контексте общих проблем изучения первобытного человека отдельные черты архаического сознания были описаны в парадигме рассмотрения культуры палеолита. Здесь орудия первобытного человека, их

функции, история хозяйства и материальной культуры рассматривались огромным количеством исследователей, среди которых С. А. Семенов, Г. Е. Марков, В. Н. Массон, А. М. Румянцев, В. А. Шнирельман и др. Памятники искусства палеолита, отражающие мышление первобытного человека, исследовали З. А. Абрамова, Д. В. Айналов, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков, А. Д. Столяр, Я. А. Шер и др. Культура палеолита как внешняя манифестация архаического сознания исследовалась В. Е. Ларичевым, Б. А. Фроловым, О. Н. Бадером, В. Т. Петриным и др. Интерпретацией архаических технологий, помимо прочих, занимались А. Леруа-Гуран, В. Г. Чайлд, А. Маршак, Б. А. Фролов, М. Вобст, Н. Тот, Дж. Д. Кларк, Дж. Констэбл, Р. М. Берндт, К. Х. Берндт, Е. П. Бунятян, И. В. Шмидт, Н. В. Клягин, В. Е. Ларичев, и др. Таким образом, на основании собранного и интерпретированного археологического материала исследователи сделали значительный шаг вперед в изучении первобытного человека, обладающего архаическим сознанием. На наш взгляд, эти исследования можно дополнить материалами, полученными в ходе изучения мышления приматов. Это работы таких ученых, как Дж. Гудолл, Н. Н. Ладыгина-Котс, Д. Мак-Фарленд, Л. А. Фирсов, К. Э. Фабри, Н. Хамфри, Э. Врба, Ф. де Ваал, Н. Н. Иорданский, Я. Я. Рогинский, К. Бош, Р. Фотс, Д. Фотс, Т. ван Кантфорт, У. Кохлер, А. Уайтен, Р. Бирн, Д. Медор, Д. Рамбау, Дж. Пейт, К. Бард, К. Хейз, К. МакДональд, Ф. Доль, М. Ф. Нестурх, Т. Льюис, Ф. Амини, Р. Ланнор, М. Чанс, А. Меад, Т. Зюддендорф, М. Корбаллис, Н. Бишоф и др. Их исследования дают основания для некоторых выводов об особенностях мышления первобытного человека (в том числе и в сравнении с аборигенами Австралии). Но они практически не подвергались философской рефлексии, в ходе которой можно выйти на проблему генезиса архаического сознания. Однако из этих исследований можно сделать вывод о том, что архаическое сознание первобытного человека во многом аналогично содержанию бессознательных слоев психики современного человека. Отсюда мы считаем релевантным привлечение психоаналитической методологии исследования и описания бессознательного, наполненного архаическим содержанием.

Архаическое содержание бессознательного человека исследовалось как самим З. Фрейдом, так и его последователями и критиками, что отражено в работах таких ученых, как К. Г. Юнг, М. Гилл, Т. Херманн, Р. Холт, Т. Адорно, Дж. Клейн, Х. Харлоу, Р. Шафер, Р. Шпиц, К. Прибрам, Ю. Хабермас, А. Грюнбаум, У. Риверс, К. Ясперс, Г. Блум, Б. Фридан, К. Голдштейн, А. Лючинс, Э. Лючинс, Т. Уоттс, Р. Ассаджиоли, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский и др. Как правило, в психоаналитической парадигме исследователи выделяют конфликтность как одну из сущностных черт архаического содержания бессознательного. Источником постоянных конфликтов, по мнению Г. Маркузе, Э. Берна, К. Ясперса и других, может быть окружающий человека мир, и, таким образом, внутренний психический конфликт сочетается с внешними конфликтами. Конфликт в психоаналитической парадигме также является источником творческой деятельности человека, однако в этой парадигме при недостаточном исследовании антропологических оснований конфликтности и творчества практически не рассматриваются их онтологические основания. В русле исследований конфликтности и творчества в работах З. Фрейда, Дж. А. Арлоу, А. Д. Розенблатта, Р. С. Вал-

лерстайна, В. В. Мейсснера, Р. Х. Этчегоена, К. Ясперса, Я. Э. Голосовкера и др. остались малоразработанными подходы к психической реальности и манипуляциям с ней. Исходя из этого, можно считать, что психоаналитическая парадигма, претендуя на тщательное изучение бессознательных архаических слоев психики человека, тем не менее, не справилась с экспликацией архаического, описывая его как некую патологию, прорывающуюся наружу, в сознание из глубин бессознательного.

Таким образом, создается впечатление, что многочисленные исследования архаического сознания являются многочисленными кусочками мозаики, не составляя собой единого полотна – видения сущности и принципов функционирования архаического сознания, а также условий его зарождения и динамики его развития и трансформаций.

Отсюда **проблема исследования** – рассмотрение архаического сознания как основания целостного мировосприятия и мировоззрения, на котором возможно заново «собрать», задать и определить человека как гармоничного, а его бытие – как подлинное. Эта проблема может быть сформулирована в следующих вопросах: каковы основные сущностные черты и принципы архаического сознания, его этиология, а также условия, факторы и динамика его формирования.

Цель исследования

Целью диссертации является выяснение сущностных характеристик и принципов функционирования архаического сознания человека, конструирование его этиологии, а также условий, факторов и динамики его формирования, возможность его экспликации.

Задачи исследования

В соответствии с заданной целью в диссертационном исследовании решаются следующие задачи:

1. Сконструировать этиологию архаического сознания и определить условия, факторы и динамику его формирования.
2. Определить сущностные характеристики архаического сознания.
3. Выявить принципы существования и функционирования архаического сознания.
4. Представить типологию архаического сознания.
5. Рассмотреть возможность экспликации архаического сознания.

Методологические основания диссертационного исследования

Работа опирается на общефилософские методы, среди которых особое внимание уделяется диалектическому методу, позволяющему вскрыть противоречивую сущность архаического сознания: принципам материального единства мира, всеобщей связи предметов и явлений, единства исторического и логического, соответствия форм общественного сознания структуре общественных отношений. При анализе мифа, экспликации принципов архаического религиозного сознания и интерпретации археологических артефактов автором использовались методы, предлагаемые герменевтическим подходом, без применения которого также невозможно толкование понятия *религии*. При реконструкции архаического сознания и его описания был использован метод феноменологического анализа.

Помимо этого на всем протяжении исследования использовались общенаучные мето-

ды системного, компаративного и функционального анализа, сравнительно-исторический метод, метод исторической аналогии, метод логической реконструкции. Междисциплинарный синтез, на основе которого строится философско-антропологическое исследование, позволяет использовать некоторые идеи археологии, этнологии, лингвистики, психологии и психоанализа, феноменологии и философии религии в качестве отдельных методологических ориентиров.

Во-первых, одним из таких ориентиров автором принята методологическая установка философии В. Хесле, Н. В. Омельченко, содержащая призыв к метафизическому уважению человека, начинающегося с метафизического уважения природы, которая понимается как становящийся Космос, *causa sui*, объективная бесконечная реальность без какого-либо трансцендентного абсолюта, запредельной субстанции, что снимает фатальность ее развития. Природа также понимается как *natura sapiens* (природа разумная), со-субъект, с которым становящийся человек-макрокосм вступает в отношения коммуникации. Эти метафизические установки приближают к пониманию сущности архаического сознания.

Во-вторых, методологическими ориентирами для экспликации сущности архаического религиозного сознания человека, его качеств и свойств являются труды Э. Бенвениста, Ф. Боуи, П. Видаль-Накэ, Д. А. Гаврилова, С. Гутри, П. Джексона, С. Э. Ермакова, Т. Инсолла, М. Ф. Косарева, М. Мюллера, В. Ф. Отто, С. Райнаха, Дж. Салибы, Дж. Сантуччи, А. Н. Северьянова, Э. Д. Сопера, У. Фаулера, М. Хайдеггера, Дж. Э. Харрисона, позволяющие выйти за рамки конфессиоцентричного описания и анализа архаического религиозного сознания.

В-третьих, в качестве эмпирической базы и методологических ориентиров взяты труды отечественных и зарубежных археологов, палеонтологов, антропологов, которые являются основой для изучения архаического сознания, религиозности, искусства, культуры и психологии архаического человека у самых истоков его возникновения. Здесь можно отметить методологическую ценность работ Р. Бирна, Дж. Гудолл, С. Гутри, Н. В. Клягина, Н. Н. Ладыгина-Котс, Д. Мак-Фарленда, А. Уайтена, Л. А. Фирсова, К. Э. Фабри.

В-четвертых, следует подчеркнуть методологическую значимость научных работ Э. Фрейда и его коллег и последователей (К. Г. Юнга, Э. Фромма, Дж. Арлоу), выполненных в парадигме психоаналитической теории и психоаналитической философии и необходимых для проведения анализа архаических, бессознательных слоев психики человека, а также для конструирования этиологии и описания генезиса архаического сознания.

В-пятых, для экспликации и реконструкции архаического сознания методологически уместна предлагаемая В. В. Савчуком топологическая рефлексия, получившая значительную разработку в работах И. А. Кребель. Созвучно этому подходу для проведения феноменологического исследования и анализа нам интересны методологические установки К. Ю. Блеекера, Дж. Кармана, У. Б. Кристенсена, Р. Отто, Д. В. Пивоварова, А. П. Садохина, Н. Смарта, М. Хайдеггера, Ф. Хайлера, Я. Ходдера.

В-шестых, для описания архаического сознания используется методология и элементы стилистики, разработанные Э. Феноллозой и Э. Паундом.

Позиция методологического синтеза, принимаемая автором диссертации, основана на положении, что в современной научном поле ни одна парадигма не является доминирующей и наилучшее исследование той или иной проблемы достижимо только при синтезе методологий.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе представлен новый опыт описания и объяснения архаического сознания:

1. Предложен опыт конструирования этиологии и генезиса архаического сознания.
2. Обоснована изначальная рациональность архаического сознания.
3. Выявлены основные сущностные черты архаического сознания: конфликтность и креативность.
4. Определены принципы архаического сознания: принцип управления реальностью, принцип внимания, принцип ответственности, принцип коммуникации.
5. Проведена типологизация архаического сознания и его разновидностей – мифологического и религиозного сознания. На этом основании предложена типология мифологии и религии.
6. Предложены подходы к экспликации архаического сознания.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Мир как система является носителем порядка, отсюда человек как подсистема также является заданным миром фрагментом этого порядка. Порядок мира определяет порядок сознания, порядок внимания человека, упорядочивает образы мира до понимания взаимосвязей, причинно-следственных связей. Архаический человек – существо, способное воспринять порядок мира парадоксально: с одной стороны, следовать ему, с другой - выйти за пределы его воспроизведения, отражения. Человек не просто отражает мир, он взаимодействует с ним, следовательно, из объекта ин-формирования миром становится субъектом ин-формирования мира, т. е. со-субъектом. Т. е. отражение мира переходит во взаимодействие с ним. Мир, играя роль «демиурга», «выделяет» и «создает» человека из окружающей реальности, из себя самого, таким образом проявляя свою субъектность и воплощая в человеке свой креативный потенциал. Человек как со-субъект, вступая с ним во взаимодействие, воплощает в нем свой креативный потенциал. Отсюда архаическое сознание при своем рождении также парадоксально воспринимает мир, с одной стороны, как более высокое по разуму существо, создателя, с другой - как равного себе.

2. Архаическая рациональность есть особый способ субъективного упорядочивания мира и достижения адекватности в нем. Для взаимодействия с миром человеку необходимо знать его язык, его логику. Поэтому рациональность человека задается порядком взаимосвязей мира, который и есть первичная, тотальная рациональность как упорядоченность системы. Отсюда архаическая рациональность – очеловеченное воспроизведение порядка и логичности мира, адекватность ему, изучение языка мира. Суть процесса рационализации, присущего архаическому сознанию и проводимого им, – установление и редукция цепочек взаимосвязей вещей и причинно-следственных связей мира, а также идеограмматическая фетишизация комплексов взаимосвязей и причинно-следственных связей, фрагментов реально-

сти, собранных вниманием архаического человека.

3. Конфликт является формой взаимодействия человека с миром. Осознавая свое единство с миром, человек осознает прежде всего самого себя, что уже по сути есть манифестация выделения человека из природы, из мира, латентное обособление от него, противопоставление себя ему и противостояние ему, т. е. осознание субъектности. На этом уровне конфликтность определена оппозицией двух субъектов: *человека и мира*. Однако конфликтность также порождается процессом «создания», репрессивного конструирования человека, репрессивной рационализацией части сознания человека неизменным порядком мира. Отсюда, человек по сути своей внутренне противоречив и конфликтен: в этой внутренней оппозиции одна из сторон - также мир, представленный сознанием (Я) человека, которое противопоставлено животному началу, бессознательному (Оно). Отсюда архаическое сознание по своей сути конфликтно, недоволено порядком мира и желает изменить его – от отражения мира перейти к взаимодействию с ним. Это стремление разрешить конфликт с миром проявляется в желании человека создать собственную (культурную) реальность, изменить репрессивный внешний мир. Оно является основанием креативности архаического сознания, которая может быть определена как позитивная и негативная.

4. Архаическое сознание функционирует на основании принципов управления реальностью, принципа внимания, принципа ответственности, принципа коммуникации. Существовая в двух реальностях, внутренней и внешней, человек постоянно изменяет их в соответствии со своими желаниями. При невозможности изменить внешнюю реальность он возвращается к изменению внутренней реальности. Противостояние с миром и взаимодействие с ним являются основой коммуникативности. Принципиальная коммуникативность архаического сознания требует определения коммуниканта, извлекаемого человеком из внешней реальности с помощью различных конфигураций внимания. Человек вниманием собирает различные конфигурации мира, таким образом его рационализируя, собирая коммуниканта, придавая ему божественный смысл. Таким образом, принципиальная коммуникативность архаического сознания определяет его религиозность. Религия определяется как коммуникация человека и мира (или тео-социальная коммуникация), основанная на принципе обратной связи. Принцип ответственности основывается на осознании человеком строгости причинно-следственных связей внешней реальности и обязательности их исполнения.

5. Архаическое сознание типологизируется на физиогенное и социогенное. Эта типология основана на глубинных антропологических основаниях – выборе человеком коммуникативной реальности, природной (естественной) или социальной (искусственной). А также коммуниканта, с которым осуществляется конфликт, порождающий архаическое сознание, – природной или социальной реальностью, реальностью, в которой он преимущественно желает проводить изменения. Социогенное архаическое сознание отличает нечеткое следование принципу ответственности как следствие нестрогого соблюдения причинно-следственных связей. Мифологичность архаического сознания выступает как доступный архаическому человеку способ образного, или идеограмматического описания реальности и ее фрагментов с их одновременной фетишизацией.

6. Архаическое сознание современно и манифестирует себя через переход архаического содержания человеческого бессознательного в сознание человека. Архаическое сознание находило описание либо в прямой и непосредственной идеограмматической форме, либо в расширенной – мифологической, образной и эмоциональной. Отсюда доступ к архаическому сознанию идет обратно через образное, эмоциональное описание и наведение на рациональный архаический хронотоп, через рекультивирование архаического сознания в телесных практиках, ритуалах, в экстремальных ситуациях, в которых человек может ощутить близость смерти. Наряду с телесными практиками для описания архаического состояния сознания необходимо применение идеограмматического языка описания реальности. Отсюда миф – это архаическое описание реальности идеограмматическими знаками/хронотопами, фиксирующими присутствие человека в мире – пространстве и времени – через проживание этой реальности.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается, прежде всего, в том, что:

1. Материалы исследования содержат теоретические положения, способные послужить основанием для создания теории архаического сознания, архаической религиозности, мифологии и их происхождения, рассмотренных сквозь призму феномена становления человека. Таким образом, материалы исследования могут быть использованы для уточнения и работы с антропологическими, онтологическими и культурологическими аспектами общей проблематики исследования человека.

2. Материалы исследования содержат теоретические положения о сущностных характеристиках и принципах архаического сознания, что позволяет решать ряд важных проблем в общей теории человека и теории религии и мифа, а также по-новому взглянуть на проблему зарождения и распространения новых религиозных движений и групп в ее практическом аспекте, проблему экологического сознания.

3. Материалы исследования могут быть использованы при чтении курсов «Философская антропология», «Философия культуры», «Философия религии», «Феноменология религии», «Религиоведение», а также спецкурсов и курсов по выбору студентов.

Апробация работы

Основные положения диссертации и полученные в ходе исследования результаты были использованы при подготовке материала лекций по таким учебным дисциплинам, как «Философия религии», «Феноменология религии», дисциплинам по выбору студентов «Археология религии», «Античная философия в первоисточниках» в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского.

Они также нашли отражение в авторских монографиях «Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования», «Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии» и коллективной монографии «Общество как событие: «система» и «жизненный мир», различного рода публикациях, а также научных конференциях: III Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2004), региональной научной конференции «Университеты как

регионообразующие научно-образовательные комплексы» (Омск, 2004), Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и ценности современного российского общества» (Омск, 2005), I Всероссийской научной конференции «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы» (Омск, 2006), II Международной научной конференции «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы» (Омск, 2007), IV Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2007), II Международной научно-практической конференции «Жас Галым – 2007» (Казахстан, Тараз, 2007), III Международной научно-практической конференции «Социально-экономические системы: современное видение и подходы» (Омск, 2008), Международной научно-практической конференции «Пространство культуры: знаки, символы, смыслы» (Санкт-Петербург, Пушкин, 2008), I Международной научно-практической конференции «Непознанное. Традиции и современность» (Москва, 2011), III Всероссийской научно-практической конференции «Религиозная ситуация в российских регионах» (Омск, 2012), IX Всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: философия конфликта» (Омск, 2012), Всероссийском научно-исследовательском семинаре с международным участием «Феномен куклы: Актуальность Эстетического в современных практиках мысли» (Омск, 2013).

Диссертация выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ, программы «"Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы». Соглашение № 14.В37.21.0526 от 01.09.2012.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, тринадцати параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, дана оценка степени научной разработанности проблемы, сформулированы цели и задачи исследования, определены его методологические основания, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов.

Глава I «Генеалогия архаического сознания» посвящена рассмотрению генезиса и архаического сознания.

В первом параграфе «Архаическое сознание как объект исследований» дается обзор понимания архаического сознания различными авторами (Э. Б. Тейлор, Д. Д. Фрезер, Б. Малиновский, М. Элиаде, Э. Дюргейм, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер, З. Фрейд и др.) как многопланового концепта. Многоплановость проявляется в том, что исследователи обозначают его как *пра-логическое мышление, мистическое мышление, первобытное, примитивное, мифологическое, мифопоэтическое, наивное, детское, магическое, ассоциативное, эмоционально доминированное, суеверное, докритическое мышление, мышление дикаря*. Наряду с понятием *мышления* исследователи применяют понятия *сознания, разума, мысли, ментальности* как его синонимы, между которыми не делаются различия.

Мы понимаем концепт *архаическое сознание* как зонтичный, более широкий, чем каждое из перечисленных понятий и включающий все в себя как их, так и все аналогичные латентные смыслы. Это дает возможность не привязывать концепт к определенному историческому периоду, социально-культурному феномену, стилю или механизму мышления, определенному набору психических реакций и избежать ценностной характеристики.

Современные исследователи определяют архаическое мышление как самые ранние формы познавательных, опосредствованных символами взаимодействий человека со своим природным и социальным окружением (Ф. Кликс). Само человеческое сознание определяется как одна из форм выражения реальной действительности, которое эту реальную действительность перерабатывает и семантизирует (О. М. Фрейденберг). Сознание также определяется как высшая связанная с речью функция мозга, представляющая собой специфически человеческую форму отражения объективного мира (Е. В. Шорохова), как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя через систему обобщенных знаний, опознавая явления действительности через соотношения с этими знаниями (С. Л. Рубинштейн), как отношение человека к его среде, окружающим его вещам, к тому или иному конкретному существу (К. В. Рутманис).

Первобытное/архаическое сознание/мышление отличается от мышления современного человека, так как оно безразлично к противоречиям, ориентировано на мистику, допускает пребывание одного существа в нескольких местах одновременно (Л. Леви-Брюль), ему присуща такая черта, как докритичность (В. Ф. Турчин), отождествление единого и многого, целого и части, пассивного и активного, природного и сверхприродного, реального и идеального, субъективного и объективного, слова и вещи. Оно амбивалентно, оно видит глубинные внутренние связи между всеми элементами мироздания и не видит различий между живым и мертвым. Оно обладает высокой степенью слияния индивида с окружающей его природой, интеграции индивида и социального сообщества, личности и рода, высокой эмоциональной чувствительностью и аффективной напряженностью общения, иконической полнотой воспроизведения содержания памяти и деятельности воображения.

Архаические формы мышления можно наблюдать и у современных нам людей. Механизмы и особенности мышления, характеризующие архаическое/первобытное сознание/мышление, встречаются у примитивных племен повсеместно (Дж. Уикс, Дж. Дьюи, Ф. Девенпорт) и присущи всем без исключения людям, находящимся в состоянии, близком к первобытному, независимо от расовой принадлежности, географического положения. Именно эта общность и дает исследователям основание для заключения, что именно эти особенности мышления являются составляющими архаического/первобытного мышления.

Архаическое сознание определяется нами как рефлексия первым человеком окружающего мира. Это предпосылка всякой сознательности и мысли, условие их жизненности, поэтому от него невозможно избавиться. Архаическое сознание – это первый опыт постижения человеком мира, первый опыт культурных усилий, первой сознательности. И этот опыт необратим, он фундамент любого сознания, давший жизнь человеку и ушедший в бесконечные глубины его подсознания, однако остающийся парадоксально современным (В. Савчук,

И. Кребель). Кроме этого, важным является рассмотрение условий возникновения, генезиса, сущностных черт и принципов архаического сознания в сравнении сходных проявлений, которые объединяют современного человека и его далекого человекообразного предка.

Во втором параграфе «Истоки архаического сознания» показано, что архаическое сознание не только воспроизводится в процессе социализации человека, но и самовоспроизводится, проявляясь в провоцирующих его манифестации условиях. Это говорит о том, что оно присуще не столько сознательной стороне человеческой психики, формируемой современными общественными отношениями, противопоставляющими себя архаике, сколько бессознательной его стороне. Поэтому, говоря об архаическом сознании, мы, прежде всего, должны говорить о бессознательном содержании психики человека. В процессе долгого становления человека психические механизмы и реакции на внешний мир пришли к человеку от его первобытного предка и остались практически неизменными, принципиально схожими (Ф. Боас, И. М. Сеченов), являясь основой сознания современного человека.

Именно поэтому, актуализируя проблему исследования генеалогии, топологии, содержания, проявления и атрибутов архаического, мы актуализируем проблему исследования бессознательного, являющегося вневременным феноменом (К. Леви-Стросс), оно первобытно, архаично, наполнено архаическим материалом и является «архаическим наследием» (З. Фрейд). Это инстинкты, бессознательные реакции человека на окружающий мир, бессознательные действия и состояния, все то, что объединяет первого человека и современного человека. Это архетипы человеческого поведения (К. Г. Юнг).

Сознание древнего человека родилось из давления мира на человека, существования репрессивных сред, природной и социальной, оказывающих совместное воздействие на гоминида и формирующих из него человека. Человек, как и приматы, является социальным существом, ведущим общественный образ жизни, и архаические особенности мышления человека получили развитие именно в обществе, каким бы оно ни было. В стае человекоподобных приматов, как и человек в своем обществе, вступают в социальное взаимодействие, которое оказывает на них воздействие гораздо сильнее, чем окружающая среда. Быстрые и резкие изменения социального окружения требуют значительно повышенного уровня интеллекта (Ф. де Ваал). Они сопровождаются совершенствованием тормозных (репрессивных) механизмов мозга, которые позволяли снизить взаимную агрессивность, а также способствовали снижению распыления внимания, свойственного приматам в нерепрессивной среде, его лучшей концентрации и накоплению знаний на основе своего и чужого опыта. В репрессивности природы и сообщества кроются начала конфликта человека и окружающего мира, но одновременно здесь исток их коммуникации, диалектического единства, при этом развитие и концентрация внимания способствовали осознанию мира, с одной стороны, как противостоящей стороны конфликта, с другой стороны - как собеседника. Сознание примата начинает искать выходы из этого конфликта (как противостояния его и окружающего мира), и он либо начинает конструктивно и творчески думать, как достичь цели, либо впадает в агрессию, что аналогично поведению современного человека (описанного в психоанализе как феномен сублимации).

Примату-участнику сообщества необходимо хорошее понимание причинно-следственных связей, при этом решающими факторами в социальной репрессивной среде, помимо прочих, являются интеллект, инициатива, изобретательность, упорство, а также способность вступать в коалиции. Такая сложнейшая психологическая игра в условиях сложной репрессивной среды социальных групп вылилась в «макиавеллианскую гипотезу происхождения интеллекта» (Р. Бирн и Э. Уайтен). При этом «политическое» поведение приматов фактически является результатом подавления ими желания сделать что-то немедленно и получить удовлетворение желания тотчас после его появления. В психоаналитической парадигме, исследующей бессознательное человека, это явление объясняется сосуществованием и противостоянием двух инстанций (архаического Оно и Я), двух принципов поведения: «принципа удовольствия» и «принципа реальности». Древний человек все больше начинает следовать не принципу удовольствия, удовлетворяя свои желания здесь и сейчас, но принципу реальности, разумным волевым усилием заставляя себя откладывать удовлетворение желаний на некоторое время. Такая отсрочка и является одной из характерных черт, присущих человеку разумному. Иными словами, он тоже может ставить себе запрет на определенные действия – сказать «нет» окружающей реальности (М. Шелер).

К моменту изготовления первого орудия первобытный человек уже должен обладать развитой психикой, которая получила развитие в репрессивной социальной среде, отягощенной репрессивным природным окружением. Само производство орудий знаменует не только рождение человека, не только значительное изменение поведения антропоида, но и значительное изменение отношения к миру, к самому себе. Человек на этом этапе своего становления начал манифестировать себя как креативное существо, способное изменяться и изменять окружающий мир. На основании этого мы можем определить как сущностные черты архаического сознания конфликтность, коммуникативность, креативность, а также один из принципов существования архаического сознания – принцип внимания.

В третьем параграфе «Труд в генезисе архаического сознания» для описания генезиса и становления архаического сознания первобытного человека используются методология и терминологический аппарат психоанализа, наиболее, на наш взгляд, приспособленного для рассмотрения бессознательных психических механизмов, нюансов их работы. Именно в парадигме психоанализа достаточно подробно и успешно разработаны схемы взаимодействий бессознательных слоев человеческой психики и сознания.

Психика человека состоит из нескольких слоев. Это бессознательные (архаические) содержания, соответствующие инстанции *Оно*, и сознание, соответствующее инстанции *Я* (шелеровский Дух, который в ходе сублимации-становления противостоит *Оно* – архаическому сознанию первобытного человека). Инстанция *Я* постепенно формируется как орган реальности в личности, как поле, на котором сталкиваются желания человека и несоответствующая, противостоящая им реальность. Таким образом, *Я* – это продукт постепенной дифференциации *Оно* под воздействием внешней реальности. *Я* – это инстанция, развившаяся на основе коркового слоя *Оно* (З. Фрейд), вынужденного вступать в контакт с реальностью. Большая часть *Оно* остается первобытной, архаичной, неизменной, часть его под воз-

действием неуступчивой внешней реальности начинает изменяться. Отсюда в архаическом человеке сочетаются две личности: одна не знает преград желаниям, а другая соотносит желания с действительностью и таким образом противостоит первой. Здесь, в конфликте с природой, миром, в конфликте, переросшем во внутриличностный конфликт, рождается человек. Конфликт как причина рождения сознания, противостоящего бессознательному/архаическому, – это коммуникация инстанций *Я* и *Оно* внутри человека, причем *Я* все больше способно овладевать архаическим содержанием *Оно* и исходящими из него влечениями. Психический конфликт здесь можно трактовать как противостояние между страстями и разумом, как конфликт реальностей – внутренней психической (фантазматической, виртуальной), в которой господствует принцип удовольствия, и внешней по отношению к человеку реальности, т. е. мира, в котором действует принцип реальности.

Отсюда *Я*, формировавшееся под воздействием соприкосновения *Оно* с внешним миром, представляло собой отпечаток внешнего мира, являлось его представителем в психике человека. *Я* говорило языком окружающего человека мира, следовательно, можно сказать, что с человеком через часть его сознания говорил весь мир. Коммуникация с миром привела к тому, что сознание человека становится двойственным, с одной стороны, архаическим, подчиняющимся страстям, желаниям, с другой стороны, рациональным и адекватным внешнему миру, подчиняющимся ему и его разуму. Поэтому *Я* разумно и адекватно миру, так как мир сделал человека адекватным себе, разговаривая с ним через инстанцию *Я* и формируя ее по своему «образу и подобию», отражаясь частью психики человека. Отсюда, первый человек, в котором формировалась психическая *Я*-реальность, или «нет»-реальность, противостоящая его животной природе, был адекватен и рационален рациональностью природы, отраженной в *Я*. Исходя из этого, архаическая мифология и религия, созданные в точке пересечения физической и психической реальности, изначально несут в себе рациональность мира. Следовательно, архаическое сознание изначально рационально, коммуникационно, а следовательно, религиозно.

Способность к рациональному и адекватному поведению подтверждается интерпретацией археологических и антропологических данных. Первые признаки присутствия в мозге человека зон Брока и Вернике, отвечающих за речь и понимание речи, появляются 2 млн лет назад. Древние гоминиды были правшами, что и свидетельствует о начавшейся эволюции левого полушария мозга первобытных людей. Отсюда именно левое полушарие, ответственное за речь, логическое мышление, анализ, манипуляции правой рукой, развивалось вместе с развитием трудовой (производственной), а также другими видами деятельности первобытного человека, направленными на выживание, производство орудий труда.

Первые орудия труда, как и первая речь, являются мощными средствами встраивания человека в природную реальность, они выделяют человека из нее, противопоставляя миру. Таким образом, это средства коммуникации с внешней реальностью, средства ее изменения. Эти средства адекватны условиям реальности. Будучи органической составляющей производственной деятельности, магико-религиозная деятельность также может быть представлена своими «орудиями труда». И те, и другие орудия труда представляют собой средства ак-

тивного воздействия на природу, активного изменения реальности вокруг примитивного человека. Таким образом, в условиях выживания и отсутствия (скажем, минимального присутствия) правополушарного символично-образного мышления, необходимого для создания мистических религиозных спекуляций, древние люди в процессе деятельности производственного характера помимо орудий труда и речи «произвели» средства, необходимые для вживания в реальность, для более плотного и адекватного взаимодействия с ней, управления ею и для выживания – магию и религию, которые были практически неотличимы от всей прочей деятельности. Это средства диалога с миром, средства для его изменения.

В четвертом параграфе «Рациональность в генезисе архаического сознания» говорится о том, что изменение человеком мира – очеловечивание мира – означает не только перестройку человеком мира под себя, но и, прежде всего, узнавание причинно-следственных связей мира и следование им, а, следовательно, встраивание в упорядоченность мира. Упорядоченность – один из признаков рациональности, следовательно, понимание и принятие архаическим человеком такой упорядоченности и есть рождение человеческой рациональности как рациональности отраженной и очеловеченной, воплощенной в деятельности человека.

Критерием рациональности архаического сознания и деятельности архаического человека может быть только рациональность деятельности, выражаемая в *достижении цели*: если цель достигнута, действия и средства были рациональны. Критерием архаической рациональности также является *соответствие действий человека поставленной цели* и, в общем, *адекватность поведения человека в окружающей его среде, окружающем мире, понимание его причинно-следственных связей*.

Отсюда можно вывести рабочее определение архаической рациональности: *это стремление архаического человека субъективно выстроить свое мышление и действия в форме, наиболее адекватной окружающей его объективной реальности в том виде, как он ее воспринимает, в попытке достижения гармонии с ней*. Под это определение подпадает деятельность древнего человека по изготовлению как орудий труда, так и генетически исходящих из них древнейших предметов магии. Сама архаическая магия является частью рациональной деятельности древнего человека. Более того, вся когнитивная, а, следовательно, производственная, магико-религиозная, протонаучная деятельность являются рациональными (адекватными) видами деятельности древнего человека, направленными на вписывание человека в окружающий мир. Отсюда, деятельность древнего человека следует рассматривать целиком, в едином целом – как творчество человека, сочетающее основные фундаментальные типы рациональности – искусство, религию, различные формы ненаучного знания.

Следовательно, *рациональность представляет собой зонтичное понятие, под которое подпадают все типы рациональности, соответствующие различным типам человеческой целенаправленной деятельности от производства первого каменного скребка до современной науки*. Думается, можно говорить о единстве рациональности как таковой и преобладании того или иного типа рациональности в ту или иную эпоху в том или ином обществе. Возникновение нового типа сознания (мифологического, религиозного, научного) и рацио-

нальности не приводит к полному уничтожению предыдущего, между ними существует преемственность. Можно сказать, что самый первый, архаический тип сознания и рациональности присутствует в современном сознании, между ними также существует преемственность, и его нельзя искоренить, он всего лишь становится менее актуальным. То есть рациональность – сущностная черта человека, часть природы человека. Наличие множественных типов рационального позволяет нам определить как *первобытное рациональное* многое из того, что в современном мире получает статус *иррационального* или *нерационального*.

Рациональная деятельность архаического человека несвободна, так как свободная деятельность нерациональна, так как не соответствует цели, неадекватна окружающему миру. Отсюда первобытный человек в «изобретении» предметов труда, а также «*инорациональных*», или «*иррациональных*» магии и религии в различных местах земного шара действуют одинаково, следовательно, рационально, несвободно. Иными словами, человек в силу своей рациональности несвободен и даже обречен на рождение магии и религии как средств адекватного встраивания в мир.

Первобытные магия и религия со своим инструментарием так же, как и производственная деятельность человека со своим инструментарием, являются логически оправданными, рациональными средствами, применяющимися архаическим человеком с прагматичными и утилитарными целями, необходимыми для дополнительного активного изменения реальности. Они все представляют собой средства производства, произведенные полирациональным архаическим сознанием. Иными словами, именно производственная деятельность, труд произвел магию и религию.

Однако стремление человека к *трансформации/изменению внешней реальности* опять представляет человека существом *креативным*, а также несогласным с внешним миром и, следовательно, *конфликтным*, стремящимся *изменить мир* для своих нужд. Именно эти три характеристики и являются, на наш взгляд, сущностными признаками архаического сознания.

Глава II «Сущностные черты архаического сознания» посвящена определению и рассмотрению сущностных черт архаического сознания.

В первом параграфе «Основания конфликтности архаического сознания» конфликт рассматривается как фундаментальное взаимодействие человека с миром, в ходе которого происходят самоопределение и становление человека. Основания конфликтности можно типологизировать на те, что определяются развитием и становлением человеческой природы, ее внутренней изначальной противоречивостью, и на те, что определяются специфически человеческим бытием, взаимоотношениями человека и мира. Первый тип оснований обозначается как антропологический, второй тип оснований – как онтологический. В антропологических основаниях конфликтности основной проблемой является проблема сущности, а в онтологических – проблема существования. Существование первично по отношению к сущности, но, тем не менее, антропологические и онтологические основания конфликта взаимосвязаны и едины.

Антропологические основания конфликтности человеческой природы. Конфликт-

ность содержится в фундаментальных принципах человеческого. Во-первых, зарождение первобытного/архаического сознания (*Я*) есть начало его противостояния бессознательным слоям психики (*Оно*). Здесь природа через посредство человека противостоит животному началу в человеке. Из этого архаическое сознание человека также предстает здесь диалектически противоречивым, будучи одновременно природным (встроенным в мир) и человеческим («выпавшим» из природы).

Во-вторых, человек сам по сути есть рефлексия, самоотражение и самопонимание (Т. П. Матяш), при котором сознание расщепляется на две части, на два «я», причем одно «я» мысленно познает и оценивает другое «я».

В-третьих, эти внутренние противостояния основаны, помимо прочего, и на функциональной асимметрии полушарий мозга человека. Левое полушарие отвечает за язык и словесную речь, логику и аналитическое мышление, поступающие сигналы обрабатываются последовательно. Правое полушарие обрабатывает информацию одномоментно и целостно, мышление символично-образное, эмоциональное, картинное. Отсюда, можно говорить о естественном дуализме (бинаризме) способов освоения человеком мира – рационального и иррационального, – связанном с функциональной асимметрией полушарий мозга человека.

В-четвертых, сами противопоставления/оппозиции архаического сознания различны в отраженных аспектах реальности. Это противопоставления сакрального и профанного, души и тела, жизни и смерти, верха и низа, правого и левого, дня и ночи и т. д. Такое сущностное противоречие архаического сознания дает возможность говорить о генетической предрасположенности человека к построению бинарных альтернатив (И. П. Меркулов).

В-пятых, человек стремится к исполнению своих желаний, а следовательно, вступает в коммуникацию с реальностью, внешним миром, в котором эти желания и должны быть удовлетворены. При невозможности их удовлетворения человек бессознательно выбирает два пути: либо он впадает во фрустрацию, неудовлетворенность, либо он меняет направленность своего желания и заменяет его чем-то (сублимация). При этом человек фактически бессознательно выбирает, где ему производить трансформации и изменения, либо внутри себя, в психической реальности, либо вовне, в физической реальности, что является фундаментально важным. Внутренняя (фантазматическая, виртуальная) реальность – пространство абсолютных возможностей, здесь можно и разрешено все, здесь человек всемогущ. Но в физическом мире, в природе человек не столь могуществен. Здесь он постоянно осознает свое бессилие. Таким образом, человек – это обитатель двух противостоящих и конфликтующих реальностей и как динамическая система, ставящая перед собой цель достижения подлинного бытия. Он постоянно разбалансирован между такими его составляющими, как сознание, разум (дух) и экзистенция, делая выбор между внешним и внутренним мирами. Он – бесконечный источник возможностей, которые не может реализовать в силу своей конечной природы.

Онтологические основания конфликтности существуют на нескольких уровнях, которые можно определить как «Я – Другой», «индивид – общество», входящих в основополагающее противоречие «человек – мир». Последнее исходит из недовольства человека внешним

миром, является результатом «выпадения» человека из природы и порождает их конфликтные отношения. Человек противостоит миру, но воспринимает это наоборот как противостояние и сопротивление мира ему. Человек начал манифестировать неосознанное недовольство миром, впервые заострил камень или кость, придумав первые орудия труда, которые фактически являются средствами изменения мира. Следовательно, человек, становясь человеком, прежде всего овладел искусством изменения как своей психической реальности, так и реальности мира.

Даже определяя природу как *natura sapiens*, т. е. признавая разум атрибутом природы (Н. В. Омельченко), мы не утверждаем, что природа активно и сознательно противостоит человеку. Тему противостояния избирает человек, антропоморфизируя мир, наделяя его субъектностью и определяя некую общую точку соотношения мнений противоположных сторон, или со-мнение.

Эта точка конфликта одновременно является точкой со-мышления или точкой смысла. Конфликт, таким образом, предполагает не только расхождение, но и сходство, некую совмещенность или совместность. Представленный в позитивном аспекте он существует как со-гласие вступающих в диалог (коммуникацию) сторон. Согласие выступает как точка единства мнений или точка смысла коммуникации (О. Н. Бушмакина). Без наличия этой точки сама коммуникация как столкновение мнений не имеет смысла. Конфликт как согласие становится компромиссом, или консенсусом. Он представляет общение как двустороннюю коммуникацию с обратной связью, в процессе развития которой актуализируется ее смысл – взаимопонимание, взаимодополнение, сотрудничество. Это признак архаического мышления, когда стороны конфликта – человек и мир – были ближе к со-гласию, ближе к точке выделения («выпадения») человека из природы.

Принципиальная неустранимость архаического сознания человека диктует принципиальную неустранимость конфликтности из природы человека и наоборот. Конфликтность – атрибут архаического сознания, в котором человеческое уже присутствует в проявлениях демиургического изменения мира, откуда исходит свобода его выбора между различными формами креативности.

Во втором параграфе «Креативность и деструктивность архаического сознания» говорится о том, что первобытный человек начал проявлять себя как креативное существо, производя первые орудия труда, в свою очередь предназначенные для изменения мира. В результате такой деятельности он фактически разрушил ту первоначальную целостность природы, частью которой он являлся, и противопоставил себя ей, заявив себя как еще один субъект творчества. Более того, само «выпадение» человека из природы уже явилось манифестацией подобного разрушения, деструкции самой природной целостности. Здесь мы выходим на противоречивость архаического человека как креативного начала. Но здесь также находятся основания человеческой деятельности – недовольство тем, что есть, и желание заменить его своим вариантом реальности, сконструированной самим человеком.

Таким образом, с самого начала в процессе становления человек манифестирует себя как амбивалентная сущность, он разрушает, созидая, и созидает, разрушая. Конструктив-

ность и деструктивность человек применяет как средства достижения цели. Они приобретают положительную или отрицательную ценность и вообще оценку только тогда, когда мы входим в поле аксиологии. Однако как раз аксиологического определения деятельности первобытного человека и сущности архаического сознания следует избегать.

Архаическое сознание процессуально так же, как процессуальна становящаяся природа человека. В исторической перспективе мы видим, что его процессуальность поступательна, что говорит о том, что в этом процессе конструктивный аспект преобладает над деструктивным. Это дает нам основания говорить о таком атрибуте архаического сознания, как креативность. Однако процессуальность отрицает деструктивность, показывая нерелевантность аксиологического подхода к этому процессу. Процесс не может быть ни плохим, ни хорошим, он динамическая данность, последовательность изменений. Конструкция, относительно устойчивое состояние, и деконструкция – аспекты процесса. Аксиологическая парадигма описания процесса становления человека и культуры заставляет исследователей давать негативные оценки деструктивной деятельности, которая в их трудах показана как деятельность патологическая, или проявление танатальности. Такая парадигмальная ловушка привела к тому, что исследователями психоанализа была даже разработана целая концепция «влечения к смерти», инстинкта смерти, влечения к агрессии и т. д.

Необходимо также различие креативности и творчества, которые имеют как схожие стороны, так и принципиальные различия. Креативность – формирующийся и становящийся феномен. В нем сочетаются процессы возникновения и уничтожения, зарождения возможностей и реализации одной из них в действительности. Креативность – родовое понятие по отношению к творчеству. Творчество связано с принятием и оценкой креативной идеи со стороны социума. По мере освоения нового результата обществом он становится общезначимым, т. е. креативность становится творчеством.

Создание психической/фантазматической/виртуальной реальности в условиях конфликта с внешней реальностью есть первичное выражение креативной природы человека, его стремления изменить условия своего бытия. В психической/креативной реальности человека рождение образов не подвержено никакой социальной оценке. Тем более отсутствует положительная социальная оценка проявлений креативности архаического сознания. В своей психической/креативной реальности человек полностью свободен и сам определяет ценность созданных им образов. Отсюда креативность предполагает возможное отсутствие всяческих норм, в том числе и моральных, а результат креативности может иметь ценность только для самого субъекта. Творчество – присутствие этих норм, скрытой или открытой социальной ценности. Таким образом, творчество характеризуется «социальной» совершенностью, а креативность – «социальной» потенциальностью, т. е. свободой. Креативности не нужна положительная оценка, поэтому она более свободна, чем творчество (включающее конструктивную и деструктивную деятельность), которому нужна положительная социальная оценка.

Человек в соответствии со своими желаниями старается изменить противостоящую ему окружающую действительность разнообразными конструктивными или деструктивными действиями. Соотнесение себя с миром и креативная сущность архаического сознания по-

рождают у человека желание создать свой «очеловеченный» мир, который подчиняется человеку.

В третьем параграфе «Реальность и виртуальная реальность в архаическом сознании» конфликт человека и мира, в котором человек существует, рассматривается, прежде всего, как конфликт двух реальностей. Мир, в котором существует человек, представляет собой внешнюю, физическую реальность для человека, а собственный психический (ментальный) мир представляет внутреннюю, психическую/креативную реальность человека. Человек является точкой конфликта, и, таким образом, он является точкой соединения, сосуществования и конфликта двух реальностей.

В психоанализе прослеживается тенденция к пониманию двух реальностей как влияющих друг на друга, причем внешняя реальность воспринимается только через посредничество внутренней, т. е. психической реальности. Внутренняя психическая реальность, *Я*-реальность, образуется путем расщепления *Оно*, отделения от него *Я*, которое и есть отражение внешнего мира, внешней реальности. И эта психическая реальность (*Я*-реальность), с одной стороны, является копией, созданной внешним миром в психике первобытного человека, с другой – противостоит внешнему миру, и первобытный человек все более и более овладевает этой *Я*-реальностью.

В соответствии с психоаналитической схемой сублимации человек, встречая трудности в материальной реальности, т. е. получая неудовольствие, обращается к внутренней фантазматической реальности, или сконструированной им самим реальности, где эти трудности хотя бы отчасти уменьшаются, и вследствие этого человек получает удовольствие. Таким образом, отвлечение и отречение от материальной реальности, от мира происходит с помощью фантазирования, ухода в нереальный мир, о чем в свое время говорили многие философы и психоаналитики. Фантазирование – один из путей решения человеком конфликта с реальностью. Это одна из присущих человеческому разуму способностей.

Любая умственная деятельность человека, в том числе и по планированию будущих действий, приводит к построению новой психической реальности как отражению внешней реальности и ее всевозможным изменениям. Таким образом, умственную деятельность человека следует считать креативной с момента фиксации несовпадения, противоречия, первичного конфликта между внешней физической реальностью и ее фантазматической модификацией, и, следовательно, фантазирование, или *создание новой психической/креативной реальности, следует считать первичной креативностью*. Направленность фантазирования, т. е. построения психической (ментальной, фантазматической) реальности, определяется желанием человека изменить отраженную (т. е. скопированную) внешнюю реальность, не удовлетворяющую его потребности. Развивая это положение, можно сказать, что этот процесс построения внутренней реальности в соответствии со своими желаниями, по нашему мнению, является выражением стремления человека управлять и изменять внешнюю реальность вокруг себя. Управление реальностью, окружающей человека, является для него наивысшим удовольствием. С этой точки зрения агрессия человека – это обратная сторона желания творить свою реальность, это стремление устранить препятствие к созиданию своей реальности,

ее переделке.

Стремление человека к изменению материальной реальности, окружающего мира в соответствии с создаваемой им психической реальностью (своими желаниями) подходит под определение инстинкта, который понимается как совокупность сложных врожденных реакций организма, возникающих в ответ на внешние или внутренние раздражения. В этом случае раздражителем является окружающая человека реальность, мир.

Проявлением *вторичной креативности* можно, по нашему мнению, назвать стремление человека действовать во внешней материальной реальности так же, как и в психической, ожидая желаемую реакцию физической реальности на свои действия по тому образцу, который содержится в психической реальности человека. Сюда же относится стремление человека попытаться изменить материальную реальность, попытаться управлять ею. Оно проявляется в создании или разрушении ее самой или одного из ее элементов. Из этого вытекает, что любое самое минимальное изменение человеком окружающей его реальности в соответствии с его фантазиями является для него мощным стимулом самореализации и последующих действий в этом же направлении. В этом он и находит одно из наивысших удовольствий – удовольствие осознания власти над физической реальностью или удовольствие от снятия ограничений, диктуемых физической реальностью.

Отсюда, смысл жизни человека состоит в реализации стремления управлять физической реальностью и поиске им подтверждения своей способности подобного управления. Именно поэтому деятельность человека в мире всегда строится в соответствии с принципом управления реальностью, психической или физической. Следовательно, человек разумный – значит человек, изменяющий мир, и креативность архаического сознания состоит в построении своей реальности и исправления мира в соответствии со своими желаниями.

Глава III «Типологизация и принципы архаического сознания» посвящена рассмотрению антропологических оснований для типологизации архаического сознания и экспликации принципов его функционирования.

В первом параграфе «Миф и архаическое сознание» показано, что мифологическое сознание традиционно определяется как коллективное эмоционально-рефлективное отражение результатов освоения человеком мира в диалектике воображаемого «освоения-очуждения». Это иррациональный способ духовного, воображаемого самоопределения и самоутверждения социальной общности в ходе освоения мира. Миф – это отдельная автономная реальность, логика и рациональность мифологического сознания ограничены мифологическим дискурсом, а мифологическое сознание совершенно оторвано от реальной жизни первобытного человека и представляет собой закрытую систему (А. Ф. Лосев, Я. Э. Голосовкер). В противовес этим утверждениям мы полагаем, что именно логика здравого смысла и формирует «мифологическую» реальность древнего человека, которая как раз и должна быть максимально отражающей реальную жизнь для того, чтобы способствовать выживанию этого человека.

Мы также полагаем, что предлагаемая А. Ф. Лосевым методология понимания и интерпретации мифа как воображения, представления может послужить основанием для опре-

деления разницы архаического и мифологического сознания. Дело в том, что мифология не однородна и мифологическое сознание не есть всегда архаическое сознание. В каждом из них может присутствовать совершенно разный механизм образования мифов. Первобытный человек в силу своей физиологии и развития головного мозга мог очень ограниченно фантазировать. Он делал слепок мира, в котором жил, «отражал» то, что ему «говорил» мир. И в этом отношении субъектом мифа, на наш взгляд, является не человек, а сам мир. Именно здесь и лежит разница между мифами как отражением мира, построенными на архаическом сознании, и мифами как сказками.

В архаическом сознании миф есть не чудо, а слепок реальности. Для понимания мира следует знать его язык. Постоянство и повторяемость законов природы является манифестацией языка природы, представляющего собой движение, тотальное изменение. Язык природы не является бесконечным набором произвольных событий, между которыми невозможно установить причинно-следственную связь. Наоборот, это четкая система, повторяемость событий, их обыденность, однообразие причинно-следственных связей, что способствует пониманию человеком этого языка мира. Поэтому первое, что отразил человек через архаическое сознание, – это понимание системности, закономерности, логоса мира, его отражение – космогонию. Остальные мифы, которые он придумывал, – это преимущественно либо производные архаических мифов, либо мифы, рожденные иным типом архаического сознания. То есть мифический субъект, представляющий мир, в котором он живет, как мир только мифический, не обладает изначальным архаическим сознанием, он обладает только приписываемым ему мифологическим сознанием, которое ему предлагается вообразить (А. Ф. Лосев). Оно, по нашему мнению, обладает архаикой, отличной от изначальной. Первый человек с изначальным архаическим сознанием не сочинял миф, а рационально отражал существующую реальность, уже позже человек преимущественно создавал в виде мифа виртуальную реальность, не являющуюся подлинным архаическим мифом. Отсюда актуализируется проблема разделения архаического мышления на два типа, один из которых обозначим как изначальный, естественный, или физиогенный, второй – искусственный, порожденный социальной необходимостью, или социогенный. Продолжая эту линию исследования, мы можем предположить существование двух типов архаического мифологического сознания, что выводит нас на проблему типологизации архаического мифо-религиозного сознания.

Первобытный человек постоянно находился в жестких условиях выживания, несовместимых с фантазированием, неадекватностью и иррациональным пониманием мира. У человекообразных оба полушария мозга работают одинаково, что выражается в равном соотношении праворуких и леворуких особей. Человек же в своем становлении стал преимущественно праворуким (правшой), что говорит о преимущественном развитии левого полушария мозга (логика, рациональность, анализ), но ему приписывают фантазирование и эмоциональность, свойственную правому полушарию. Левое полушарие как раз преимущественно обладало логико-аналитическими когнитивными функциями, а правое – описательными, обработкой и воспроизведением накопленного. Миф, следовательно, – это рациональное постижение реальности, описанное с помощью образного мышления. Выразительные, языко-

вые средства такого мышления – это схватывание реальности целиком, идеограмматическое описание (описание фрагментов реальности как фетишей, слепков реальности), именно она – ключ к мифологии. Поэтому доступ обратно к архаическому сознанию идет не столько через мифологию, сколько через идеограмматическое описание, когда реальность делается доступной обозрению и мгновенному невербальному постижению. Такая методика наведения на мысль, вовлечения в топологию неявленного, провокации, привлечения, выманивания архаической мысли из бессознательного имеет физиологическое обоснование. Идеограмматическое описание архаического основано на привлечении к работе правого полушария мозга человека, ответственного за образное мышление. Обратный путь к бессознательному/архаическому лежит через идеограмматический знак, провоцирующий его актуализацию. Идеограмматический знак нельзя изобрести, так как он является слепком реальности, именно поэтому через идеограмматический знак социогенного архаического сознания (предлагаемый, к примеру, феноменологией священного Р. Отто) невозможно выйти на физиогенное архаическое сознание. В этом случае такой идеограмматический знак не является универсальным, а только конфессиональным. Сам факт описания религиозной реальности, отличной от архаической, вновь подводит нас к фиксации двух реальностей архаического религиозного сознания.

Во втором параграфе «Типологизация архаического религиозного сознания» утверждается, что архаическое сознание древнего человека – прежде всего религиозное сознание, причем религиозность понимается как первичная и онтологическая парадигма коммуникации человека и мира (природы), возвращающего этого человека из себя и по своей «матрице», основанная на принципе обратной связи.

Человек постоянно находится в коммуникации и, следовательно, в противостоянии с окружающей реальностью, недовольный ею, осознавая ее как со-субъекта, или как противостоящую среду, не подчиняющуюся его желаниям. Из такого противостояния человека и мира есть два пути выхода, приводящие к удовлетворению желания человека и избеганию фрустрации, а также невротических реакций: либо прилагать силы и изменять реальность, либо построить фантазматическую реальность при тонкой игре двух принципов - принципа удовольствия и принципа реальности. Руководствуясь этими принципами, человек действует либо преимущественно вовне, в мире, либо преимущественно внутри своей фантазматической реальности. Такая экстравертированность и интровертированность может послужить основой для разделения религий на те, которые оперируют преимущественно с внешним по отношению к человеку миром, и на те, которые оперируют с внутренним миром человека. Первобытный человек, обладая рациональным разумом, адекватностью поведения реальному миру, более подчинялся принципу реальности. В этом случае фантазирование как выстраивание психической реальности было подчинено задачам выживания. А принцип удовольствия был подчинен принципу реальности поведения, так как создание фантазматической реальности, или реальности утешения, не соответствовало задачам выживания. То есть, выживание ставило задачей найти удовлетворение и таким образом разрядку в физической реальности.

Приведенные типы реакций на окружающую среду, сформированные еще в первобытном состоянии человека, заложены в человеческом бессознательном, закреплены генетически и могут послужить критерием для типологизации архаического религиозного сознания по нескольким причинам. Во-первых, именно на этих различных типах реакций психики человека на окружающий мир целиком строится поведение самого человека. Во-вторых, будучи бессознательными, они не подвержены изменениям и постоянны всегда, в любое время, у любого человека. В-третьих, они идентичны с типами психических реакций предков человека, гоминид, следовательно, они в этом же неизменном виде присутствовали и у первого человека. Поэтому они являются критерием, который неподвержен конъюнктурным, идеологическим влияниям, культурным и моральным ограничениям.

Качество архаической религиозности как коммуникации с обратной связью зависит от того, каким принципом преимущественно руководствуется человек при коммуникации с реальностью, и с какой реальностью он преимущественно выстраивает коммуникацию. При коммуникации с природой, или физическим миром, требуется архаическая религиозность, четко закрепляющая неизменность причинно-следственных связей и сопутствующей им ответственности. Такая религиозность в виде различного рода природных религий и верований определяется нами как физиогенная.

Человек своей деятельностью изменяет свою среду обитания, строит искусственную среду обитания – город. Отсюда, одним из оснований можно было бы считать разделение на «религию деревни» и «религию города». Это разделение не ново, однако, оно дается на основании внешних признаков, в основном соответствии или несоответствии сельскохозяйственному циклу. Однако, на наш взгляд, такое разделение имеет более глубокие основания, уходящие корнями в особенности природы человека.

В искусственном пространстве города рождается новая мифология и религия искусственного пространства (М. Вебер). Это знаменует рождение нового архаического мифорелигиозного сознания, порожденного общественными отношениями, а не отношениями между человеком и природой. Такого рода архаическое сознание, как и религиозность, социогенное. Социогенное архаическое религиозное сознание, как и соответствующая религиозность, является своеобразным отражением физиогенной религиозности, но она не основана на физиогенном архаическом сознании. Более того, социогенная религиозность обязательно имеет некое начальное первичное социогенное смысловое пространство, которое актуализируется только в определенном хронотопе, отличном от физиогенного. Поэтому новая религия выделившегося из природы искусственного пространства (города) будет основываться на социогенном архаическом сознании. Последнее является таким же отпечатком созданной самим человеком искусственной среды (социума) на сознании и бессознательном человека, какой ранее при рождении человека оставляла природа. Социогенная религиозность может существовать преимущественно в условиях политического дискурса, в условиях использования политического и административного ресурса.

Классификация физиогенного архаического религиозного сознания проводится на следующих основаниях:

Физиогенная религиозность	Социогенная религиозность
Религиозность, порожденная отношениями между человеком и природой и регулирующая их (природная религиозность)	Религиозность, порожденная отношениями между людьми, человеком и социумом и регулирующая их (социальные религии)
Основывается на физиогенном архаическом сознании (универсальная мифология)	Основывается на социогенном архаическом сознании (конфессиональная мифология)
Основной принцип – принцип реальности	Основной принцип – принцип удовольствия
Строится на рационально-логическом мышлении	Строится на абстрактно-образном мышлении
Рациональность	Иррациональность
Экстравертированность	Интравертированность
Религия естественной среды	Религия искусственной среды
Фетиши природные	Фетиши социальные
Религия определяется как обратная связь	Религия определяется как связь
Онтология ответственности; невозможность прощения (перезагрузки)	Снятие ответственности; возможность прощения (перезагрузки)
Строгая причинно-следственная связь	Нестрогая причинно-следственная связь
Отношение к миру как подлинному бытию	Отношение к миру как неподлинному бытию
Коллективизм (пример жертвы)	Индивидуализм
Космоцентризм	Теоцентризм/ эгоцентризм
Природные законы	Законы социума
Неполитическая религия (свой – не свой)	Политическая религия (друг – враг)
Смерть естественна	Смерть – зло
Устойчивость	Неустойчивость

Тем не менее, социогенное архаическое религиозное сознание сохранило в себе значительно редуцированную, но не устранимую сущностную черту архаической религиозности, унаследовав ее от физиогенной религиозности. Эта сущностная черта – понимание архаической религиозности как коммуникации, связи, которая принципиально невозможна без обращения на коммуниканта внимания.

В третьем параграфе «Внимание как принцип архаического религиозного сознания» показано, что изначальная и тотальная религиозность архаического сознания происходит из понимания религиозности как тотальной коммуникации человека и мира, основанной на принципе обратной связи, которая невозможна без выделения человеком из природного окружения со-беседника, коммуниканта, его собирания вниманием человека.

Отзвуки архаического понимания внимания как одного из принципов религиозности можно встретить у Цицерона в трактате «О природе богов» (45-44 гг. до н. э.), и у М. Мюллера он обозначен при переводе слова *religio* как внимание, содержание которого – постоянное удержание во внимании, или в *dasein* (М. Хайдеггер). У других исследователей (С. Райнах, Дж. Э. Харрисон, Э. Бенвенист, В. Ф. Отто, Э. Д. Сопер, У. В. Фаулер, Дж. Сантуч-

чи) *religio* также в своем значении раскрывается как внимание, постоянное общение с коммуникантом и даже как универсальный религиозный инстинкт человеческой природы (У. В. Фаулер). Помимо этого, *religio* также трактуется и как ответственное поклонение богам, то есть соблюдение культовой практики, для удержания во внимании точного воспроизведения и сохранения языка общения с миром.

В итоге заложенное в *religio* значение разворачивается как максимально точное (скрупулезное) воспроизведение определенного хронотопа тео-социальной коммуникации, которое приобретает форму ритуала. Этот ритуал остается живым, так как требование точного повторения поведенческих моделей сопровождается обязательным удержанием во внимании как их, так и объектов коммуникации (богов), что становится образом жизни. Более того, постоянное внимание есть постоянное присутствие человека-исполнителя в поле ответственности, которая как и внимание связывает все действие воедино. Два аспекта тео-социального взаимодействия, встроенного в архаическое сознание (жертвоприношение и ауспиции, или, иначе, обращение и ответ), способствуют тому, что религия определяется как тео-социальная коммуникация, основанная на принципе обратной связи.

Внимание как основание и принцип архаического религиозного сознания рассматривается и учеными-антропологами. Первобытный человек понимал язык природы через постоянное и внимательное наблюдение за своим окружением (Х. М. Уэстропп). О почти физически ощущаемом внимании и наблюдательности примитивных людей пишут Р. Фокс, Л. Леви-Брюль, У. Роббинс, С. Гутри, Р. Арнхейм др. Такая концентрация внимания вокруг себя, на пространстве – серьезное напряжение, без которого не было бы человека. Это объемное внимание – пространство коммуникации архаического человека с окружающей средой, с миром. Без этого пространства внимания не было бы и мира, так как человек творит мир своим вниманием (Е. В. Золотухина-Аболина), «извлекая» из непредметного полотна бытия объекты внимания. Это ставит человека на уровень демиурга, создающего мир, так как избирательная концентрация внимания на определенных сторонах реальности фактически является актом творения. Отсюда опять человек проявляет себя как существо креативное.

Для архаического человека окружающая природа была предельно предметной, она не требовала внимания к себе, она получала его в избытке, так как первобытный человек ждал опасностей из окружающего мира и постоянно следил за своим окружением. Наоборот, «собирая» человека из себя самого, мир сам уделял ему внимание, на которое человек отвечал, реагировал, вследствие чего научился понимать его язык. Более того, единство и целостность мира, окружающего архаического человека, определяется многочисленными связями-взаимодействиями между всеми вещами, спаивая их в единый организм, единое тело бытия. Эти взаимосвязи приобретают вид высших сил, то есть архаическое сознание помещает богов не в сами вещи, а во взаимосвязи между ними, так как по отношению к преходящим вещам взаимосвязи между ними стабильны и онтологичны. Видя реальность единым субъектом со множеством взаимосвязей, человек архаический таким образом не столько выбирает объекты своего внимания, сколько начинает ощущать себя объектом пристального внима-

ния, а также воздействия. Здесь зарождаются первые религиозные отношения.

Континуальность, целостность и устойчивость взаимосвязей мира воспринимается архаическим сознанием как незыблемый порядок движения, в который также можно включаться с помощью движения – ритуала. Ритуал консервативен, и в аспекте конструирования реальности вниманием ритуал – средство, направленное на сохранение языка общения с миром. Утрата составляющих ритуала – это утрата фрагментов внимания, разрушение языка общения с миром.

«Социокультурные карты внимания» народов, созданные в рамках определенных этнополитических и этнокультурных представлений, часто не совпадают с аналогичными «картами внимания» других народов, что вызывает непонимание и слепоту к моментам в чужой культуре, не входящим в «круг внимания» собственной культуры (Е. В. Золотухина-Аболина). Такое непонимание и слепоту в религиозной парадигме мы можем отнести к различиям в видах архаического сознания, предполагающего разные конфигурации, функции, концентрацию, работу внимания. Иными словами, разным видам религиозности (физиогенному и социогенному) соответствуют разные виды внимания.

Для человека реально существует лишь то, что им замечено. Но внимание должно стать конвенциональным, чтобы придать замеченному онтологический вес, принимая единую версию реальности, внешней или внутренней. Конвенциональное подтверждение существования вещей укладывается в рамки социогенной религиозности. Здесь для существования вещи, бога нужно не само его существование, а общее согласие на это. В случае физиогенного архаического сознания окружающий человека мир, с одной стороны, манифестирует свое внимание к человеку, создавая его как художественное полотно, с другой стороны, провозирует и привлекает его внимание на себя, на вещи и взаимосвязи между ними, которые настолько очевидны, что не нуждаются в конвенциональном подтверждении существования. Поэтому в парадигме физиогенной религиозности релевантны не рациональные доказательства существования «высших» сил, а ритуалы как практическая верификация этого существования.

Созданная человеком искусственная комфортная среда обитания убивает внимание, которое применяется только тогда, когда она показывает свою репрессивность, неподчинение. Таким образом, современное внимание – внимание чрезвычайной ситуации, с таким редуцированным и фрагментированным вниманием невозможно быть в мире и обладать подлинным бытием. Удержание во внимании предполагает еще один принцип – ответственность.

В четвертом параграфе «Коммуникативность как принцип архаического сознания» показано, что коммуникативный аспект архаической религиозности присутствует в дошедших до нас древних литературных источниках, к примеру, в книгах Ветхого Завета (обращения Бога к Каину, Ною, Аврааму, Моисею, диалоги между Богом и пророками, верующими), Нового Завета. О своем общении с музами, даймонами говорили Гесиод, Сократ, Прокл. Эпосы «Илиада» и «Одиссея» Гомера – прекрасный пример общения с людьми с богами. В диалогах «Менон», «Ион», «Пир» Платон называет божественными людьми прорица-

телей, провидцев и поэтов, посредников между богами и людьми, передающих богам молитвы и жертвы людей, а людям – наказания и волю богов, вознаграждения за жертвы и знания. Особое место в греческой культуре занимали оракулы, которые фактически являются диалогом в виде вопроса и ответа. То есть, в этих и других источниках мы повсюду видим процесс коммуникации между людьми и божественными силами, в результате которой люди корректируют свое поведение.

Коммуникационный аспект архаического религиозного сознания отражается также в исследованиях авторов, дающих определения религии. Здесь религия в общем определяется как отношение с нечеловеческим окружением, с высшей силой (У. Райт, Э. Сопер, Л. де Грандмазон, У. Р. Смит и др.). Авторы подчеркивают, что для архаической религиозности был важен язык коммуникации с природной реальностью, его верификация, повторяемость в ритуалах, действенность, выражающаяся в способности «договориться» с миром о будущем благоприятном развитии событий. У. В. Фаулер, который правильные отношения с божественной Силой называет универсальным религиозным инстинктом человеческой природы, *religio*, к нему же относит желание получить от Силы ответ в виде благоприятных знаков и предзнаменований, т. е. дивинацию. Она является частью религиозной практики: направление внимания – принесение жертвы – ответ божественной силы (дивинация), важной составляющей архаического сознания, встречающейся в архаических обществах повсеместно.

Архаическое сознание с момента рождения, выпадения человека из природного окружения изначально коммуникационно, т. е. религиозно, и архаическая религиозность как способ жизни и теология как технология и система знаний о мире не состоялись бы с самого начала, если бы не было дивинации, если бы человек не получал от «божественного» собеседника, к которому он обращался, хоть какие-то знаки своего присутствия, деятельности. Для создания такой коммуникации человек ищет и собирает своим вниманием в окружающей реальности коммуниканта, субъекта каких-либо действий, которым приписываются некий смысл и направленность на объект. Таким образом, миру, который создает первого человека, и его фрагментам, взаимосвязям через антропоморфизацию и анимацию приписывается субъектность и креативность как способность влиять на человека и его поведение. Следовательно, духи, боги и пр., с кем общаются люди, следуя их указаниям, помощи, избегая их недовольства, являются коммуникантами, собеседниками людей и выполняют регулятивную функцию. Люди, следуя их помощи или заслужив наказание, изменяют свое поведение, и наоборот, поведение людей способствует помощи духов или наказанию, исходящему от них. Таким образом, в парадигме архаического сознания мы приходим к определению архаической религиозности как коммуникации, основанной на принципе обратной связи, а задачей архаического сознания человека является *постоянное и внимательное воспроизведение в ритуальной практике хронотона успешной тео-социальной коммуникации, основанной на принципе обратной связи (religio)*.

Здесь коммуникация – это преимущественно телесные практики понимания языка мира, его причинно-следственных связей. Они повседневны, это жизнь в мире, в природе, по ее законам. Телесные практики как язык мира не произвольны, а закономерны, неинстинктив-

ны, свободны и подвержены изменениям. Ритуал трактуется архаическим сознанием как составляющая хронотопа, в который надо постоянно входить, воспроизводить в определенном повторяющемся (в т. ч. измененном) состоянии сознания. Совершенствование ритуала означает совершенствование языка и языковых средств общения с миром. Изготовление орудий труда вследствие повторяемости действий, результата процесса изготовления, повторения их использования и результата использования также подпадают под определение ритуала. В аспекте коммуникации все эти действия являются языком общения с миром, языком теосоциальной коммуникации, основанной на внимании, ответственности и принципе обратной связи.

В пятом параграфе «Архаический принцип ответственности» отмечается, что при переводе слова *religio* авторами отмечается также второй смысл, выступающий в виде еще одного принципа архаической религиозности, ответственности (М. Мюллер, Дж. Сантуччи, П. Джексон). Отсюда, архаическая религиозность как способ правильного рационального взаимодействия (коммуникации) человека с миром строится не только на тотальном внимании, коммуникации с обратной связью, но и на ответственности. Коммуникация с миром задает отчетливое понимание необратимых причинно-следственных связей как ответственности за мысли, слова, поступки, действия, проведение ритуалов в едином-единственном неповторимом хронотопе. Через его постоянное правильное воспроизведение происходит попадание в логос, в пространство ответственности.

Ответственность человека, воспроизводящего хронотоп успешной теосоциальной коммуникации (*religio*), выражается в постоянном сомнении в правильности мыслей, слов, действий, постоянном отслеживании неправильных мыслей, слов, действий, неправильного воспроизведения хронотопа, в постоянном выборе правильного поведения, осознании последствий своих действий. Такое постоянное осознание причинно-следственных связей является состоянием постоянного присутствия (*dasein*, в терминологии Хайдеггера). Архаическая религиозность, существуя в пространстве тотальной ответственности, немислима без архаического сознания, понимающего ее неизбежность в коммуникации с миром. О такой ответственности (табу) при коммуникации первобытного человека с миром также пишут многие исследователи архаического сознания (П. Лепаж Реноф, С. Кук, Л. Леви-Брюль и др.). Тотальность ответственности для архаического человека предстает в виде законов мира и общества, которые для архаического сознания являются одними и тем же и которые невозможно не соблюдать.

Осознание архаическим сознанием табу как непреложного закона – это осознание меры ответственности, которая должна последовать за действием, нарушающим порядок (который можно также назвать Логосом, Дао), следовательно, человек даже своей смертью стремится соблюсти необходимый и должный порядок причинно-следственных связей. Причинно-следственная связь явлений – это последовательность явлений, когда одно явление, называемое причиной, при определенных условиях порождает другое явление, которое называется следствием. Архаическое сознание воспринимает мир как циклически воспроизводящуюся систему, поэтому принимает явления, повторением создающие цикличность, за сходные,

необходимо вызывающие соответственно схожие следствия. Цикличность и повторяемость явлений и их следствий дает уверенность в том, что следствие не может не наступить. Следовательно, быть частью этой системы – значит соответствовать ей, вплоть до того, что (как это описано у Л. Леви-Брюля) специально сделать следствие таким, каким оно должно было бы быть. Следствие должно наступить несмотря ни на что, в определенное для него время, иначе мир рухнет, считает архаическое сознание.

Архаический человек также знает, что следствие и причина могут меняться местами. Здесь также причина в способности времени упорядочивать явления, одно из которых происходит «раньше, чем» другое. В архаическом циклическом времени эти явления имеют свойство повторяться вновь и вновь, здесь нет отношения «раньше, чем» как порядкового. Если время изобразить в виде циклической замкнутой линии или круга и поместить на эту линию события, то сказать, какое из событий, отмеченных на круге, произошло раньше, нельзя в принципе, как невозможно сказать, какие из явлений были в прошлом, какие будут в будущем, поэтому следствие может наступать ранее, чем его причина (А. М. Анисов). Такая «неумолимость» времени-Кроноса понимается архаическим сознанием как непреложный закон, обязательный к исполнению всеми. Ответственность исполнителей законов исходит из проживания потока событий, реки жизни, Логоса, вне которого жизни нет, т. е. онтологическая ответственность понимается как следование потоку жизни. Она может быть представлена как симбиоз человека и мира, а в парадигме архаического религиозного сознания – теосоциальный симбиоз, когда человек является частью огромного организма-мира и проживает его жизнь как свою.

Создаваемая человеком искусственная среда-город снимает жесткую причинно-следственную связь и соответствующую ей ответственность (Г. Йонас). Эта среда создает социогенную архаику и, соответственно, социогенную этику безответственности. Этика безответственности антропоцентрична. Напротив, этика ответственности архаического человека является космоцентричной, строящейся относительно «пребывающего», или природы. Поэтому она онтологична через понимание ее физиогенным архаическим сознанием как составляющей коммуникации человека и мира, свободного от аксиологических оценок.

Архаический человек как часть мира – это «человек ответственный». Пространство-организм мира – единое пространство ответственности. Время здесь – это промежуток между действием и следствием (ответственностью за него). Вне дискурса ответственности жертва невозможна. Топология ответственности совпадает с границами мира.

В шестом параграфе «Экспликация архаического сознания» автор полагает, что разработка способа экспликации архаического сознания для его лучшего понимания и описания изнутри остается проблемой. На наш взгляд, для этого исследователь должен понять и задать как архаичного человека прежде всего самого себя. Это практика задавания ответственности, практика рефлексии в парадигме феноменологии с привлечением интроспекции, вчувствования, симпатии, эмпатии как «вживания» (Г. ван дер Леув У. Б. Кристенсен, К. Ю. Блеекер, Ф. Хайлер, Н. Смарт, и др.). Это также практика топологической рефлексии как техники рационального конструирования пространства многомерной рациональности, арха-

ического хронотопа, вхождение в этот хронотоп через телесные практики (В. В. Савчук, И. А. Кребель).

Именно тело остается тем ключом, инструментом, который вскрывает навязанные цивилизацией ментальные стереотипы, исторически заданные парадигмы мышления, включая современного человека в пространство и время хронотопа архаического человека, предоставляя нам возможность рекультивации и отчасти реконструкции особенностей архаического мышления. Методология такого конструирующего вживания диалектически противоречива. С одной стороны, она как критерий соответствия архаическому сознанию претендует на абсолютность, так как другого подобного критерия такой строгости и универсальности у нас просто нет. Это практика понимания и осознания себя как архаического человека, как единой-единственности с природой, миром, коммуникация с которым является ответственным ритуалом, праздником, со-бытием понимания самого себя как микрокосма в макрокосме. Это понимание и мышление через тело, которое остается неизменным с самого «начала» человека. С другой стороны, она – критерий относительный, так как понимание хронотопа как самого себя достаточно субъективно. Со-бытие с миром возможно наблюдать при полной актуализации внимания и понимания, полной перестройке сознания современного человека, а это невозможно. В данном случае телесная практика работает только как средство наведения на состояние и сознание, но не как само средство разворачивания аутентичного архаического сознания. Думается, что такая архаическая рефлексия - это почти возврат в состояние еще-не-мысли, к тому истоку, где мысль почти неотделима от других форм реакции на мир, где активность среды ощущается и осознается почти как собственная активность. Здесь актуализируется тактильная, фактически бессознательная форма переживания, бессознательное действие как форма мысли, форма реакции на мир. Помимо этого, по нашему мнению, телесная практика наведения на состояние архаического сознания сама по себе, взятая отдельно, вряд ли может дать значительный результат в продвижении к его пониманию. Дело в том, что современный человек уделяет мало внимания и серьезности культивации архаического сознания через телесные практики. Крайними видами таких практик можно назвать экстремальный туризм, участие в ритуальных действиях, проведение полевых исследований. Это эксперименты исследователей, изучающих механизмы выключения современного человека из современного мира и включение его в первобытный мир. Это практики и тренировки выживания в условиях чрезвычайных ситуаций, когда, как полагают исследователи, можно получить состояние человека, очень близкое к включению в окружающую действительность на условиях, которые задаются самой действительностью. Именно в таких состояниях крайней опасности, приближения к смерти и понимания её человек начинает ощущать бытие как подлинное.

Исследователь архаического сознания должен сам научиться понимать мир, эксплицитировать и научиться понимать его язык. Это одновременный процесс осознания и описания мира. Причем, процесс описания мира и есть одновременно процесс понимания и вживания в архаическое сознание. А при трансляции состояния понимания мира другому человеку необходимо быть своего рода переводчиком таких состояний. Поэтому мы считаем методикой

идеограмматического описания архаического сознания и как его составляющей архаического религиозного сознания достаточно перспективной наряду с телесными практиками. На наш взгляд, идеограмматический язык призван не рационально объяснять, какие чувства должен испытывать человек, описывая их в виде математических формул и химических реакций, а провоцировать их, как это могут делать произведения искусства. Здесь должен действовать принцип введения в состояние, провокации чувств, вспоминания априорного, осознания первофеноменов, а не наведения на ощущение путем сравнения и рационального вспоминания.

Идеограммы, служащие для обозначения существ, предметов или действий, являются также двигательными описаниями. Идеограмматический знак – это хронотоп, содержащий все, что было в ощущениях каждого отдельного человека, положение и движение его тела, мыслей, чувств. Следовательно, для описания архаического сознания нужен такой язык описания, который возвращал бы человека, хотя бы приблизительно, в это сознание. Историческая практика показывает, что рациональное архаическое сознание находило описание либо в прямой и непосредственной идеограмматической форме, либо в расширенной – мифологической, образной и эмоциональной. Отсюда, обратный путь к архаическому сознанию через образное и эмоциональное описание и телесные практики – выход через чувства, состояния ощущения, на рацию с необходимой рефлексией.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, отражающие новизну, и намечаются дальнейшие пути развития темы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, входящих в перечень ВАК для опубликования научных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора наук:

1. Першин Ю. Ю. Открытость мысли культурным практикам: проблема подлинной рациональности / Ю. Ю. Першин, И. А. Кребель // *Личность. Культура. Общество.* - 2007. - Т. 9, вып. 2 (36). - С. 230-240. (авт. - 50%).

2. Першин Ю. Ю. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / Ю. Ю. Першин, И. А. Кребель // *Журнал социологии и социальной антропологии.* - Санкт-Петербург, 2008. - Том XI, № 2 (43). - С. 205-208. (авт. - 50%).

3. Першин Ю. Ю. О формальном и содержательном критериях философского текста / Ю. Ю. Першин, В. Е. Семенов // *Личность. Культура. Общество.* - 2008. - Т. 10, вып. 2 (41). - С. 269-274. (авт. - 50%).

4. Першин Ю. Ю. Человек политический в контексте типологии социальных характеров Д. Рисмена / Ю. Ю. Першин, Л. Н. Кибардина // *Личность. Культура. Общество.* - 2008. - Т. 10, вып. 3-4 (42-43). - С. 388-394. (авт. - 50%).

5. Першин Ю. Ю. Архаика ge-ligio: символический порядок инобытия мысли (на примере мифопоэтики Серебряного века) / Ю. Ю. Першин, И. А. Кребель // *Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* - 2009. - Т. 1, № 3. - С. 113-120. (авт. - 50%).

6. Першин Ю. Ю. К методологии исследования социальной политики / Ю. Ю. Першин, Л. Н. Кибардина // *Личность. Культура. Общество.* - 2009. - Т. 11, вып. 3

(50). - С. 402-408. (авт. - 50%).

7. Першин Ю. Ю. Археология религии: внимание / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. – 2010. - № 3 (57). - С. 15-19.

8. Першин Ю. Ю. Политическая теология в топологии рационального дискурса / Ю. Ю. Першин // Личность. Культура. Общество. - 2011. - Т. 13, вып. 1 (61-62). - С. 246-252.

9. Першин Ю. Ю. Археология религии: пространство / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. - 2011. - № 1 (59). - С. 22-25.

10. Першин Ю. Ю. Политическая теология в case study: теория и практика / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. - 2011. - № 1 (59). - С. 258-262.

11. Першин Ю. Ю. Основания принципа управления реальностью / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. - 2012. - № 1 (63). - С. 43-46.

12. Першин Ю. Ю. Археология религии: religio в дохристианской парадигме / Ю. Ю. Першин // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. - 2012. - № 1 (15). - С. 11-18.

13. Першин Ю. Ю. Архаические константы природы человека и основания архаического сознания / Ю. Ю. Першин, В. И. Ахмадишина // Вестник ОмГУ. - 2013. - № 1 (67). - С. 18-20. (авт. - 80%).

14. Першин Ю. Ю. Археология религии: коммуникативность архаического сознания / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. - 2013. - № 3 (69). - С. 20-22.

15. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание в контексте «военного метадействия» / Ю. Ю. Першин // Армия и общество. - 2014. - № 1 (38). Февраль - С. 6-12.

16. Першин Ю. Ю. Археология религии: к вопросу о рациональности архаического сознания / Ю. Ю. Першин // Вестник ОмГУ. - 2014. - № 1 (71). - С. 13-15.

Монографии

17. Першин Ю. Ю. Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования / Ю. Ю. Першин. - Омск : СИБИТ, 2007. - 148 с. - (ISBN 978-5-98867-017-9).

18. Першин Ю. Ю. Археология религии: со-бытие рациональностей / Ю. Ю. Першин // Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир»: коллективная монография. - Омск: СИБИТ, 2007. - С. 27-48. - (ISBN 978-5-98867-009-4).

19. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии / Ю. Ю. Першин, В. И. Ахмадишина ; науч. ред. В. И. Разумов. - Омск : Социокосмос, 2012. - 469 с. - (ISBN 978-5-904258-04-7).

Статьи, доклады, тезисы в других научных сборниках и журналах:

20. Першин Ю. Ю. К вопросу о соотношении понятий «креативность» и «творчество» / Ю. Ю. Першин // Человек в современных философских концепциях : материалы третьей Междунар. науч. конф. : в 2-х ч. - Волгоград : ПРИНТ, 2004. - Ч. 2. - С. 410-414.

21. Першин Ю. Ю. Попытка онтологизации понятия «сублимация» / Ю. Ю. Першин // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы : тезисы докл. Регион. науч. конф., посвященной 30-летию ОмГУ им. Ф. М. Достоевского : в 5 ч. - Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. - Ч. 4. - С. 341-346.

22. Першин Ю. Ю. Три очерка по психоаналитической философии и антропологии / Ю. Ю. Першин // Философия: история и современность. 2004-2005 : сб. науч. тр. / Ин-т философии и права Объединенного ин-та истории, филологии и философии СО РАН, НГУ, ОмГУ. – Новосибирск ; Омск, 2005. - С. 301-318.
23. Першин Ю. Ю. Антропологические направления философии XX века и перспективы философской антропологии / Ю. Ю. Першин // Молодежь и ценности современного российского общества : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 28-29 апреля 2005 г. – Омск : Ютон, 2005. – С. 301-305.
24. Першин Ю. Ю. Социально-историческая обусловленность генезиса греческой философии: апология Homo Religiosus / Ю. Ю. Першин // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы : материалы I Всероссийской науч. конф. 15 мая 2006 г. - Омск : СИБИТ, 2006. - С. 310-334.
25. Першин Ю. Ю. Археология религии: поиск первичных принципов / Ю. Ю. Першин // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы : материалы II Междунар. науч. конф. 15-16 мая 2007 г. - Омск : СИБИТ, 2007. - С. 100-113.
26. Першин Ю. Ю. Археология религии: предварительные замечания / Ю. Ю. Першин // Человек в современных философских концепциях : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. : в 4-х т. - Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. - Т. 2. - С. 516-519.
27. Першин Ю. Ю. Археология религии: «Человек архаический» versus «Человек экологический» / Ю. Ю. Першин // Труды II Международной науч.-практ. конф. молодых ученых «Жас Галым - 2007». Тараз (Казахстан) 18-19 апреля 2007 в 12 томах / Таразский гос. педагог. ин-т. - Тараз, 2007. - Т. 3. - С. 64-70.
28. Першин Ю. Ю. Мысль и рациональность: ритуальное единство действия / Ю. Ю. Першин, И. А. Кребель // Социально-экономические системы: современное видение и подходы : материалы III междунар. науч.-практ. конф. 8 февраля 2008 г. - Омск : СИБИТ, 2008. - С. 385-390. (авт. - 50%).
29. Першин Ю. Ю. Археология религии: музыка сфер / Ю. Ю. Першин // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы : материалы Третьей Всероссийской науч. конф. 1-3 октября 2008 г. – Омск : АнтропоТопос, 2008. – С. 260-270.
30. Першин Ю. Ю. Археология религии: предчувствие жертвы / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2008. - Вып. 1-2. - С. 41-49.
31. Першин Ю. Ю. Археология религии: культура смерти / Ю. Ю. Першин, А. Н. Северьянов // Религия в диалоге культур : сборник науч. трудов. - Санкт-Петербург, 2008. - С. 15-21. (авт. - 50%).
32. Першин Ю. Ю. Археология религии: жертва и жертвенность / Ю. Ю. Першин // Credo new : теоретический журнал. - Санкт-Петербург, 2009. - № 3(59). - С. 126-138.
33. Першин Ю. Ю. Полемос: жизнь и смерть / Ю. Ю. Першин, А. Н. Северьянов // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2009. - Вып. 3-4. - С. 63-70. (авт. - 50%).

34. Першин Ю. Ю. Античная магия: терминология как топология рациональности / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2009. - Вып. 5-6. - С. 105-116.
35. Першин Ю. Ю. Интерпретация археологических источников как философская проблема / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2009. - Вып. 5-6. - С. 117-127.
36. Першин Ю. Ю. Ф. Рабле и его Гаргантюа. «ИМХО» на полях стенограммы / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2009. - Вып. 7. - С. 80-85.
37. Першин Ю. Ю. Археология религии / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2010. - Вып. 8. - С. 48-59.
38. Першин Ю. Ю. Археология религии: жертва и жертвенность : Философское эссе, отклик на книгу: В. В. Савчук. Кровь и культура (СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.) / Ю. Ю. Першин // Мысль : Журнал Петербург. филос. об-ва. - 2010. - Вып. 9, № 1. - С. 169-176.
39. Першин Ю. Ю. Истоки религиозного сознания: от антропоида к антропосу / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2011. - Вып. 9-10. - С. 12-23.
40. Першин Ю. Ю. К этимологии слова религия: парадигма Цицерона / Ю. Ю. Першин // АнтропоТопос : теоретический журнал в области философских наук. - 2011. - Вып. 9-10. - С. 24-38.
41. Першин Ю. Ю. Феноменология религии: внеконфессиональный подход / Ю. Ю. Першин // Сибирский научный журнал. Серия: Гуманитарные и социально-экономические проблемы развития современного общества / СибАДИ. - Омск, 2011. - № 2. - С. 44-51.
42. Першин Ю. Ю. Конфликтность архаического сознания / Ю. Ю. Першин, В. И. Ахмадишина // Реальность. Человек. Культура: философия конфликта : материалы Всероссийской науч. конф. в 2 ч. - Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. - Ч. 1. - С. 3-6. (авт. - 50%).
43. Першин Ю. Ю. Антропологические основания типологии религиозности / Ю. Ю. Першин // Религиозная ситуация в российских регионах : тезисы докладов и сообщений Третьей Всероссийской науч.-практ. конф. (Омск, 23-24 ноября 2012 г.) / Омская академия МВД России. - Омск, 2012. - С. 126-128.
44. Першин Ю. Ю. Труд и рациональность в генезисе архаического сознания // NB: Философские исследования [Электрон. ресурс]. - 2013. - № 6. - С. 625-633. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.611 - URL: http://e-notabene.ru/fr/article_611.html
45. Першин Ю. Ю. Типология архаического религиозного сознания: антропологические основания // NB: Философские исследования. [Электрон. ресурс]. - 2013. - № 7. - С. 471-495. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.7.650. - URL: http://e-notabene.ru/fr/article_650.html
46. Першин Ю. Ю. Мифология и архаическое сознание // Концепт. [Электрон. ресурс] - 2013. - № 04 (апрель). - ART 13071. - URL: <http://e-koncept.ru/2013/13071.htm>
47. Першин Ю. Ю. Religio: attention in the archaic religiosity // NB: Философские исследования. [Электрон. ресурс]. - 2013. - № 8. - С. 423-431. DOI: 10.7256/2306-

0174.2013.8.630. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_630.html

48. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание и архаическое время // NB: Философские исследования. [Электрон. ресурс]. - 2013. - № 9. - С. 64-85. DOI: 10.7256/2306-

0174.2013.9.811. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_811.html